

Екатерина Сирота

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ВСЕЛЕННОЙ

Повесть

*С глубоким уважением
и любовью к моим учителям*

Екатерина Сирота родилась в Воронеже. Окончила факультет прикладной математики и механики Воронежского государственного университета. Преполагает высшую математику в родном вузе, кандидат физико-математических наук. Лауреат и финалист ряда литературных конкурсов. Автор двух книг прозы, изданных в Москве при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации.

Почти девять вечера, август, долгожданная вечерняя прохлада, стук каблучков по асфальту... Полина впервые за долгое время обула босоножки на каблучках, вытащила сама себя за шкурку на ретроспективу фильмов Тарковского. Просто заставила. Она всегда была с характером, так считала мама. А каблучки да качественно хорошая мина при плохой игре — простой незатейливый женский способ доказать себе, что можешь еще жить, когда пусто, смертельно пусто.

Будто сама Вселенная держит тебя за ниточки, ведет, а ты только подрагиваешь в неумелых изломанных движениях. Это только кажется, что ты дышишь, двигаешься и принимаешь решения. «Я могу говорить», — и снова в такт каблучкам — слова из фильма «Зеркало», самого любимого из всех фильмов Тарковского: «Громко и четко, громко и четко... Я могу говорить». А завтра снова — стрелочный перевод, и поезд Полининой жизни помчит по одному из путей. Какому только? Она не знала, надеялась, конечно, но не знала. Всю свою жизнь почти сорок лет пыталась понять, «может ли она говорить» в контек-

сте фильма — то есть творить. А творить для нее означало видеть то, что не видят другие. И главное — уметь описать увиденное языком математики.

Вот Вселенная — только присмотришься: удивительная, маняще бесконечная, многоголосая в своем звучании, сложная в своей простоте. Опиши ее изгиб — он постоянно движется, меняется, как в танце. Вдохни и передай миллиарды запахов, цветов, звуков, законов, ухвати хоть что-то. Кому-то дано. Те, кто может отражать Вселенную для других, — это поэты с большой буквы, они умеют говорить. Полина иногда умела, а иногда начинала мучительно заикаться, как тот юноша в фильме. Тяжело и мучительно заикаться. В такие моменты ненавидела себя, страдала сама, страдали и все окружающие, а главное — семья: муж и дочка.

Да, она была математиком. Широко известным в узких кругах в своей области исследований, а именно — теории прогнозирования. «Прогноз» в переводе с греческого означает «предсказание», «предвидение». В науке — да, Полине было подвластно многое, очень многое. Коллеги уважали и завидовали: лучшая среди равных. А вот в жизни... Ах, если бы в жизни предвидеть. Нет, нельзя: жить сегодня и одним днем — вот настоящее искусство.

А завтра... завтра все разрешится. Будут представители одного из крупнейших научно-исследовательских центров Москвы. Проект, который последние пару лет проходил апробацию в соседних двух регионах, возможно, начнут внедрять по всей стране... От этого будет зависеть многое: отношения с мужем и дочкой, возможный переезд в Москву. Муж категорически против, дочка тоже. У всех свои причины, свои поводы для непонимания друг друга. Все сложно и одновременно очень просто, как говорят психологи — конфликт интересов. Может, просто недостаточно любви, которая жертвовать помогает?

А сама Полина готова жертвовать? Самое страшное, что, видимо, только ради науки, так ее муж считает. И еще, возможно, раскроется тайна, которую Полина хранила многие годы. Ну, не совсем тайна, просто она никому об этом не говорила, можно ли это тайной назвать? Что же, завтра наступит время собирать камни...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ...

Как в жизни все переплетено. Все связаны со всеми, бесконечная мозаика человеческих жизней, каждая из которых — ее неотвратимо малая часть. Или калейдоскоп: тряхнул его — и новый узор. Кто смотрит в него, и от кого зависит, изменится ли он? Цепочка событий, мыслей, поступков... Полина мама вышла замуж второй раз. А с ее отцом они развелись, когда девочке не было трех лет. Так что никакой трагедии. Зато есть воскресный папа, известный в городе журналист, походы в кафе-мороженое по выходным, позже — на выставки друзей-фотохудожников и прочие культурные мероприятия. Запах краски в типографии, перебивающий друг друга цокот печатных машинок на работе у отца, открытая настежь форточка круглый год, шесть человек в одной комнате, курили прямо здесь, только у редактора был отдельный кабинет.

Полина обожала походы в редакцию. Однажды принимала участие в так называемом импровизированном фильме, который снимали папины

коллеги-журналисты. Множество фотографий, где они в разных ролях и нарядах из подручных средств изображают героев-большевиков, разложены прямо на полу. Потом все это будет собрано и наклеено на общий рулон. Под каждой фотографией подпись. Смеялись всей редакцией. Вот такой юмор — острый, легкий, как отношение к жизни, был привит Полине с детства, другого она не понимала, став взрослой. Как, впрочем, и современную журналистику, ту, что жаждет привлечь читателя чужим горем, страшными ДТП, бьющими по глазам заголовками и фотографиями.

У Полины было два дома: воскресный папа и его воскресный дом — там, где раньше жили бабушка и дедушка, в самом центре города — и родной — получается, что будничным, где жили они с мамой и отчимом. Первый раз Полина узнала об отчине из разговора, случайно подслушанного: она как раз была у отца. Из соседней комнаты доносился его голос:

— Господи, Надя, да он же совсем мальчишка! Как его Польша воспримет? Да у него еще молоко на губах не обсохло чужого ребенка воспитывать!

Полина помнит только, что первые минуты не могла сопоставить слова и действительность. Так часто бывает, когда новости ледяным дождем меняют температуру твоего пространства. Засыпала вопросами отца, тот только буркнул: «Мама все объяснит», уткнулся в газету и закурил.

Да, Игорю было двадцать шесть, маме тридцать три, отцу почти сорок, а Полина пошла в первый класс. Появился новый человек в их с мамой жизни, а в Полиной, чуть позднее, — новый виток, который и определил собой все остальные тропы, дороги, мысли и все, что вмещает судьба человека.

Полина приняла Игоря на удивление легко, хотя первое время, конечно, примешивалось острое и незнакомое ей чувство ревности к маме. Просто вдруг разделили их общее с мамой пространство. Только позднее пришло ощущение, что оно изменилось, стало другим, соединилось с миром Игоря. Он появился на следующий день после того, как мама объявила, что жизнь их скоро изменится. Появился с пакетом, полным фруктов, прямо перед первым сентября.

Полина стояла в проеме двери и смотрела, как мама с Игорем выгружают на стол виноград, персики и яблоки. В конце 90-х это была относительная роскошь. Игорь тогда работал на птицефабрике, хотя по образованию был плановик пятилеток, экономист. Сейчас такой специальности нет и в помине. Виноград прозрачный, зеленый и темный, синий; ягоды плотно прижались друг к другу, вобрав в себя тепло и солнце уходящего лета. Капельки воды подрагивают на кистях, отражая оттенки зеленого и синего. В каждой плотной продолговатой ягоде — тайна лета, медленно перетекающего в начало осени. В тот же вечер Полина вышла гулять, прихватив с собой почти все фрукты, которые были на столе, к великой радости соседских детей. Мама потом очень ругалась, говорила «ну зачем все-то было выносить?!», а Полина и сама себе не могла объяснить свой поступок.

Привязанность к отчиму постепенно вытесняла серое вязкое чувство ревности. Он делал с Полиной уроки, никогда не раздражался. У мамы же, по ее словам, не хватало терпения, несмотря на то, что она была педагог, работала заведующей детским садом. А еще с ним читали и обсуждали книги Беляева, Майн Рида и ходили на концерт Наутилуса — первый взрослый концерт для Полины.

У Игоря была феноменальная память. Он помнил и знал даты самых незначительных исторических событий, сражений, имена древнегреческих философов и поэтов, их работы и высказывания. Полина обожала смотреть с ним популярную в те годы передачу «Что? Где? Когда?». Он отвечал на все вопросы. Природа одарила — только, казалось, перестройка в стране не дает ему крылья расправить. Игорь все повторял, что мечтал планировать те самые пятилетки, а приходится на птицефабрике работать. Время такое было, а потом наступило другое... Но об этом позже.

Игорь прекрасно знал математику. В седьмом классе у Полины началась геометрия, пришел новый учитель. Многое не получалось, было непонятно. Игорь объяснял решения своими способами. Нашел на книжных развалах старые сборники олимпиадных задач. Полина до сих пор хранит тоненький сборник известного советского математика Арнольда «Задачи для детей от 5 до 15 лет»: 79 задач для культуры мышления. Обложка потерта, на ней — сам Арнольд в футболке, джинсах, с каким-то мальшом — удивительно теплая фотография... Те упражнения, которые для пяти лет, дались мучительно тяжело: вот такая была слабая у Полины культура мышления. Задачи разбирали вместе, рисовали схемы.

— Ты пойми, Полин, все должно быть просто, на уровне перекладки спичек! Пусть решение будет понятно тебе самой настолько, чтобы ты могла объяснить его маленькому ребенку.

«На уровне перекладки спичек», — эту фразу часто повторяла своим студентам, когда училась в аспирантуре и вела занятия у первокурсников, а Игоря уже давно не было. Для нее давно, а для Вселенной — каких-то пять лет, миг один...

— Понимаешь, математика — это просто язык, на котором мы учимся с тобой говорить.

«Громко и четко, громко и четко»: всю жизнь пыталась учиться говорить на этом языке.

На очередное родительское собрание в школе ходил отец. У мамы на работе произошел форс-мажор, потекли трубы, и она осталась до ночи в детсаду. Собрание было в пятницу, а в субботу Полина, как обычно, поехала к отцу. Открыла дверь своим ключом. Отец не встретил, не услышал ее, разговаривал в соседней комнате по телефону. Обрывки фраз доносились, скрывая ответы диалога на той далекой стороне провода.

— Детка, я приеду, обязательно! Потерпите немного. Нужно уладить кое-что на работе. Готовь пока Аню и забирай документы из школы.

Голос отца стал тише, Полина молча стянула кроссовки, прислушиваясь. Надо же, «детка»! Так называл он только Полину. Стало тревожно, и неприятно засосало под ложечкой.

Отец наконец-то услышал ее:

— Детка! Приехала! У меня для тебя хорошие новости!

Сердце как-то вдруг оборвалось, будто предчувствуя что-то, словно будущее из-за облака выглянуло и снова спряталось, только очертания его в сознании отпечатались неясным рисунком, нельзя... рано еще, рано.

— Что за новости?

— Кажется, дедушкины гены в тебе начинают просыпаться! — Отец засмеялся, таким родным и привычным жестом щелкнул зажигалкой и закурил.

— В смысле, пап? Какие еще гены, о чем ты?

— На собрании тебя вчера очень хвалила учительница математики, симпатичная такая брюнетка!

— Какая же она симпатичная! Ей сорок почти! Что говорила?

— Сказала, что ты ее удивляешь. Что, наверное, она будет готовить тебя к олимпиаде. А потом поинтересовалась, занимаемся ли мы с репетитором. Вы что, с мамой правда репетитора наняли?

— Да ты что! Игорь со мной занимается, да и самой интересно...

— Знаешь, дед говорил, что если ты вдруг надумаешь стать математиком или прикладником, как он сам, то, когда тебе исполнится семнадцать, можно будет открыть доступ к его библиотеке. Некоторые книжные шкафы отец запирает на ключ... Ты же помнишь, он был болен, вел себя странно последний год жизни...

Полине было шесть, когда умер дед, и она его почти не помнила. Знала только, что он был известным в своей области прикладным математиком и работал всю жизнь на оборонную промышленность. Когда мама с папой поженились, мамина дальняя родственница пригласила ее в ГДР; поехать не разрешили: дедова работа стала препятствием для выезда.

На следующие выходные отец уехал в длительную командировку в Москву. Сказал, что на месяц, а может, даже больше.

— Буду скучать, детка, не грусти!

— Ладно, пап! «Колу» привези, ты обещал.

В конце девяностых — это была мечта, попробовать колу, отец рассказывал, как обжигает сладкий кофейный, хотя нет... неповторимый острый солнечный летний напиток, вроде простая газировка, а остается прикус волшебства и праздника.

А потом действительно началась активная подготовка к районной олимпиаде по математике. Полина оставалась с учительницей после уроков, дома занималась с Игорем. Десятки задач, примеров, и такое новое острое чувство азарта и даже эйфории, когда решения приходили быстро. Полина стала физически ощущать их красоту и гармонию. Это был идеальный мир, который она создавала сама. Игорь часто заставлял находить новые решения, говорил, что предыдущие слишком громоздкие. Полина сначала обижалась, но поиски продолжала. Комкала исписанные листочки и швыряла прямо на пол. Отчим только посмеивался.

Ей часто снилась снежинка на ладони, поздний морозный вечер. Она стоит на автобусной остановке одна, напротив — старый парк и арка дома. Самое удивительное зимой — это видеть, как свет фонаря выхватил для тебя чудо танцующих в бесконечности Вселенной ее серебряных ледяных частичек. И вдруг в арке появляется ангел. Полина точно знала, что это он, только не могла его разглядеть почему-то.

— Ангел, ты здесь? Мне страшно, возьми меня за руку.

Он неизменно брал ее руку и подносил к глазам так близко, чтобы она могла разглядеть снежинку. Она начинала таять, неравномерно теряя чистоту своих линий и сложных узоров.

— Поправь ее, Полина! Быстрее!

— Но как?! У меня не получится!

— Значит, ты еще не готова, Полина...

Она просыпалась. Было чувство, словно забыла что-то важное, что-то жизненно важное не увидела или потеряла, а может, еще не нашла?

На районной олимпиаде Полина заняла второе место, уступив первенство школе с математическим уклоном, которую как раз и оканчивал Игорь. Учительница позвонила вечером и сообщила результаты.

Решили отпраздновать всей семьей и прокатиться на катере. Была поздняя теплая осень, последнее тепло и последние прогулки по реке. Полина когда-то давно каталась здесь с классом.

С собой взяли термос, мама заварила свой любимый чай с мятой и чабрецом, быстро нажарила гренок. Ехали в пустом троллейбусе до пристани. Из маминной сумки разносился запах еще теплых золотистых гренок, ужасно хотелось есть. «Терпи!» — Игорь смеялся.

Катер был старый, краска на бортах облупилась. Его покачивали черные волны, звонко шлепая по днищу, вытесняя из своей стихии. Пассажиров было мало, уже не сезон. Поднялись на борт и заняли столик. Катер еще не отшвартовался. Вдруг сзади — знакомый смех, такой знакомый, что Полине даже не надо было оборачиваться, но она все-таки повернулась.

Отец. Он держал за руку высокую женщину, яркую, рыжую, красное пальто и вязаный длинный шарф, а рядом — такая же рыжеволосая девочка. «Наверное, ровесница», — подумалось машинально.

Растерянные глаза отца и мгновенная реакция Полины: сбежать. Рванула на берег, задев плечом рыжую девочку. Потoki слез, скорость, ветер свистит в ушах, а в висках пульсирует: «Детка!», торопливый стук маминых каблучков сзади и окрики Игоря. Испорченный вечер и появившийся в жизни новый вкус предательства.

И снова жизнь вплела новый виток в свой удивительный узор, где дом отца перестал быть для Полины ее домом. Дом — это родное, наполненное тобой и твоими мыслями пространство, твоими привычками и даже поступками. А если в коридоре висит красное пальто, а на полке змеей свисает длинный вязаный шарф, значит, в реку времени льются новые потоки, чужие... И пространство дома тоже становится чужим. Вот так. Окна настезь, дом отдает тепло и Полинины запахи, готовясь впитать неуловимый запах духов рыжей женщины и девочки.

Несколько недель после той встречи Полина отказывалась говорить с отцом по телефону или просто бросала трубку, если подходила сама. Мама уговаривала, объясняла, что отец не виноват, «просто жизнь сложна и многообразна» — любимое ее выражение. Сложна и многообразна, а вот чтобы это принять, требуется сама жизнь. Парадокс, почти как лента Мебиуса: простейшая неориентируемая поверхность с краем. Ключевое слово — неориентируемая.

Полина сидела по выходным в центральной городской библиотеке. На столе стопка книг, до нашествия интернета еще годы, а сейчас эра долгого, а потому настолько ценного поиска информации, поиска, сопровождающегося тихим шелестом страниц. Этот поиск живой, он имеет запах книг и предвкушения нового. Полина читала, как открыли ленту Мебиуса два немецких математика в далеком 1858 году — сам Мебиус, в честь которого ее и назвали, и Йоганн Листинг. Много всяких математических идей связано с ней, и даже писатели-фантасты упоминают ее.

Накануне зимних каникул Полина возвращалась домой из библиотеки. Темнело рано, было морозно, тихо шел снег, троллейбусная остановка пуста: выходной. Остановки тогда не объявляли. Полина еще плохо ориентировалась в городе. Это были ее первые самостоятельные выезды. Утк-

нулась носом в ледяное стекло. На нем узоры морозными кружевами ска-тертью стелются. Начала дышать, от ее дыхания зимняя ткань рвется, остав-ляя прогалины на окне, зато становятся видны фонари на проспекте, тем-ные очертания домов и остановки. Не пропустить бы свою. Полина ду-мала об отце. Понимала, что очень скучает, как не хватает ей совместных вы-ходных, запаха его сигарет, смеха... а еще скучала по их общему дому.

От остановки до дома через несколько дворов в темноту лентой тянет-ся заснеженная дорожка. Деревья черными ветвями держатся за прово-да. Желтыми квадратами светятся окна домов. Хруст снега под ногами и вдруг схватившее за горло чувство одиночества. Полина пустилась бегом. У своего подъезда — не поверила глазам, сердце застучало в горле то ли от быстрого бега, то ли от волнения: она увидела отца. Он стоял почему-то без шапки и курил. Вдруг заметил ее и пошел навстречу. Несколько шагов — и она уткнулась носом в его куртку. Отец крепко обнял ее и по-целовал в макушку. Минуты принятия нового мира и новой реальности. Вдыхала такой родной запах прокуренной куртки, чувствовала тепло его дыхания... Договорились, что увидятся в следующую субботу на катке.

Следующие выходные выдались солнечными. Каток год от года зали-вали рядом с домом отца. Каждую зиму, если погода позволяла, они ка-тались вдвоем, хохотали. Потом шли есть в соседнюю столовую горячий борщ, а следом неизменно отец покупал ей эклеры и тархун, себе — кофе. «Поверь, это гораздо лучше колы!» — смеялся. От эклеров пахло ванилью и предвкушением Нового года.

Прошлогодние коньки немного давили. Отец взял ее за руку, и они поехали, медленно набирая скорость. От яркого солнца набегали слезы, и снег вокруг катка от этого еще ярче горел серебром. Лед постепенно заполнялся: хохот и свистящий звук коньков. Заливистый смех малыш-ни и грация неуклюжих медвежат, вставших на коньки. Один из таких, вырвавшись из родительских рук, несясь прямо на Полину с отцом. Она машинально выставила свободную руку вперед, но скорость, которую набрал малыш, оказалась достаточной для того, чтобы сбить с ног. Она упала, неловко вытянув вперед правую ногу. Отец тоже не удержался, успев схватить хохочущего малыша. К ним уже подоспела молодая жен-щина, извинилась и прямо за воротник куртки потащила ребенка. Поли-на попыталась подняться, но нога в правом коньке вдруг загорелась бо-лью. Полина закусила губу и повисла на отце. Тот потащил ее к бортику. Наступить на ногу не получалось.

— Полька, пойдем к нам! Татьяна — врач-педиатр. Посмотрит тебя. Заодно познакомишься, раз уж так вышло!

— Пап, не пойду я, даже не проси! Помоги переобуться и посади на автобус.

Когда стали снимать коньки, Полина взвыла. Боль стала управлять и подчинять. Она вцепилась в отца, молча кивнула. Он все понял и бук-вально потащил ее на себе к дому. Самым сложным оказалось подняться на второй этаж. Сердце стучало то ли от боли, то ли от волнения. Дверь открыла новая жена отца. Сквозь боль ярким лучом блеснуло впечатле-ние первой встречи. По факту, конечно, второй, первая же была около катера, но та не считается...

Густые рыжие волосы собраны в высокий хвост, короткий домашний ха-лат. Полину всегда завораживали распущенные длинные женские во-лосы, мечтала о таких. У нее было каре с пятого класса. Мама убедила,

что ей идет. В глубине коридора из ее бывшей комнаты выглядывала рыжеволосая девочка. Она была явно выше Полины, а может, так изда- лека показалось. Память впопыхах за пару секунд сделала несколько снимков, навсегда они отпечатались в сознании.

— Полина, здравствуй! Проходи! Меня тетя Таня зовут, — внимательно посмотрела на отца и поджатую ногу Полины. — Андрей, что случилось?

— Тань, посмотри ее, кажется, ногу подвернули на катке.

— Аня, неси стул быстрее в коридор! — крикнула Татьяна дочери.

Усадили Полину. Мысль ревностной птицей коснулась крылом: обе, мать и дочь, были очень красивы и похожи между собой. Татьяна присе- ла на корточки, осматривая ногу: «Полина, терпи». Нахмурилась, воло- сы из хвоста тяжелыми медными струями по плечам.

— Андрей, надо рентген сделать — и как можно быстрее. Нога начи- нает отекать. Вызывай такси, и езжайте в травмпункт. Ань, принеси анальгин, на холодильнике аптечка.

И снова кольнуло, перебивая основную боль, то, как по-хозяйски распоряжается Татьяна и быстро ориентируется в ее доме Аня. Простран- ство бывшего Полининого дома услужливо расступается перед новыми жильцами.

Такси приехало быстро. Рентген, осмотр хирурга, а потом операция. Оказался сложный перелом — и бесконечно тянущийся месяц в област- ной детской больнице.

В палате ровесников не было: Полина и еще две мамы с малышами. Монотонный больничный быт. Дни похожи между собой, словно капли дождя. Кажется, что никогда из них не вырваться.

Впервые появились острое чувство времени. Минуты могут быть длин- ными и короткими. Могут медленно стекать, как на той картине Дали, правда, там часы, изменив форму, словно плавилась в пространстве. Зна- чит, мы сами управляем его длительностью.

Полинины дни в этот месяц наполнялись чтением, запахом мандари- нов, ожиданием визитов мамы и Игоря — и снова ожиданием. Игорь ча- сто оставался до позднего вечера. Приносил новые задачки, снова ре- шали, спорили. Маме звонила учительница математики, говорила, что Полина как победитель районной олимпиады должна начинать готовить- ся к областной. Несколько раз навещал отец.

А однажды после дневного сна в палату аккуратно постучали. Дверь приоткрылась — Татьяна. Полина смутилась, бросило в краску.

— Полина, папа уехал в командировку! Просил меня навестить. Ты не против?

— Конечно! Садитесь, — вдруг захотелось ей угодить, и от этого по- явилось странное чувство, что кругом все видят эту фальшь и вранье. А остановиться Полина уже не может. Начала оживленно рассказывать про подготовку к олимпиаде, показывала учебники. Татьяна внимательно слушала и улыбалась. Полина точно знала, что и она фальшивит. Вдруг та начала рыться в сумочке и достала оттуда флакон с духами — правда, без коробки.

— Вот, возьми, это французские. Ты уже взрослая девочка, думаю, оценишь.

Полина смутилась еще больше. Когда Татьяна ушла, она брызнула немного на футболку, запах был удушливый и сладкий. Мамочки потом ругались и долго проветривали палату.

На следующий день пришла мама и забрала духи: «Странный подарок!»

С этого цветного, душливого, кем-то придуманного искусственно-го запаха начались странные отношения Полины и Татьяны. После выписки из больницы она вдруг снова по выходным стала ездить к отцу, каждый раз будто преодолевая себя. Отец радовался. Мама была не против.

А Полина играла в непонятную для себя игру, словно кто-то управлял ею, какой-то небесный кукловод. Спрятался за тучи, его не видно, и нитей не видно, только силу их натяжения чувствуешь. Дергает тебя, поворачивает в разные стороны, и ты не можешь объяснить, что там наверху происходит. Но только это точно не ты, не твой голос звучит, а чей-то фальшивый, напоминающий голос Полины.

Однажды, собирая вечером вещи в рюкзак для выходных, услышала разговор Игоря и мамы. Дверь на кухне была приоткрыта, монотонно гудел холодильник, голоса приглушенные:

— Надя, я не понимаю, зачем она ходит туда? С твоей подачи или Андрея, объясни? Я же вижу, ей тяжело!

— Господи, Игорь! Не выдумывай! Разве ее кто-то заставлял? Сама попросилась после больницы, ты же помнишь. Сколько можно по улицам таскаться по выходным? Ничего в этом нет особенного, многие так живут и нормально общаются.

— Это ты не понимаешь! Я вижу, что она страдает, только сама себя понять не может. Она сложный человек, Надя. А тут еще подростковый период.

— Ничего. Пусть Татьяна привыкает, что это и Полины дом тоже. К тому же отец Андрея в конце жизни просил меня, чтобы Полина могла пользоваться его библиотекой, когда ей исполнится семнадцать. У него было много странностей, конечно, тем не менее...

— Боже мой! О чем ты думаешь? Татьяна, библиотека! Да на Польке лица нет, когда она туда отправляется.

— Игорь, давай закроем эту тему.

А дома у отца — снова маска, улыбка, общее чаепитие. Аня держалась отстраненно, старалась быстро уйти, говорила, что гулять. Возвращалась поздно, спали в разных комнатах. Полине стелили в кабинете деда. Книжные полки вдоль стен от пола и до потолка. Один книжный шкаф закрыт на ключ, дедов рабочий стол, темно-коричневый, покрытый лаком с прожилками срезанного дерева. Полина любила садиться за этот стол и медленно проводить по нему ладонью. Они обменивались: рука отдавала тепло и забирала холод и одиночество гладкой поверхности.

Чай пили долго. Отец делился новостями с работы, шутил. Потом забирал свою кружку и уходил в зал. Полина почему-то стеснялась выйти из-за стола. Начинала рассказывать про школу, книги, которые читала, все подряд, будто пытаюсь удержать внимание Татьяны. Та внимательно слушала и улыбалась. Только улыбка ее была отражением Полининой фальши. Затянуло их болотом собственной неискренности. Вот такая песня получилась — в будние дни куплет, а по выходным припев. И снова, и снова, несколько месяцев подряд одно и то же звучание. Только иногда вдруг пробивался свой чистый и настоящий голос, когда весной усиленно начала готовиться к областной олимпиаде и забывала обо всем — лишь красота решений и их непрерывный поиск.

В начале марта поехали после школы с Игорем на книжные развалы. Было неожиданно тепло, так тепло, как вдруг бывает весной накануне сильных морозов. Полина даже сняла шапку. На тротуаре начал подтаивать снег. От земли еще холод идет, а с небес потоками льется солнце. Книжные развалы располагались рядом с самым большим кинотеатром города «Пролетарий». Подошли к тому продавцу, у которого обычно Игорь покупал сборники задач. У других была в основном художественная литература, а еще альбомы с репродукциями. Книги старые, у многих пожелтела обложка. Полина остановилась у альбома Дали и попросила у продавца разрешения полистать. Вот те самые «Текущие часы» или «Постоянство памяти», а вот портреты его жены Галы, она была очень красива для него, так Полина почувствовала. Он будто разрешил себе поделиться ее красотой со всем миром.

Игорь окликнул:

— Наконец-то появился здесь учебник по теории чисел! Это то, что нам нужно.

Так началась новая волна в подготовке к олимпиаде. Это была настоящая магия погружения в мир абсолютных абстракций с удивительно красивыми названиями — магические квадраты Дюрера и Афанасия Кирхера, которым даны имена планет. Квадрат Солнца, Марса, Венеры. Цифры жили своей жизнью, но Полина ими управляла. Они подчинялись, упорядочивались так, как было нужно ей. Это мир в своей бесконечности многообразия позволяет наблюдать за собой, дарит ключи от множества дверей. Открой любую и увидишь то, что сможешь сегодня. А завтра картинка будет для тебя иной. Только цифры и арифметические операции с ними, сложная простота или простая сложность.

Областная олимпиада планировалась на весенних каникулах в первых числах апреля. Дата попала на понедельник, а накануне традиционно — выходные у отца. Ани дома не было, ее отправили на все каникулы к бабушке и дедушке. Татьяна дежурила в больнице. Настоящее счастье и иллюзия вернувшейся прошлой жизни — только они вдвоем с отцом. Как хорошо! Была суббота, а потом еще половина воскресенья перед приходом с дежурства Татьяны. Отец уехал на рынок. Вдруг захотелось сделать ему приятное. Полина кинулась убирать дом. Надо бы еще испечь пирог с яблоками, а потом будем пить чай. Мама всегда говорила, что в доме должно пахнуть выпечкой.

Начала протирать пыль сначала в зале. Дверь шкафа с одеждой была чуть приоткрыта, Полина толкнула ее, желая проверить, что мешает. Прямо на ноги свалился прозрачный пакет, а в нем джинсы: голубая варенка, о которой она так мечтала! Сколько просила маму и Игоря, они под разными предложениями отказывали. Полина понимала: просто пока на это нет денег, так все жили тогда. А отец все-таки купил! Только бы размер подошел! Начала доставать джинсы из пакета и услышала, как повернулся ключ в двери, пришел отец. Она повисла у него на шее.

— Пап, спасибо тебе! Это сюрприз был, да? К весне?

— Детка, о чем ты?

— Пап, сам купил и забыл?! О джинсах, конечно!

— Полина... Ты меня прости. Это не тебе. У Ани скоро день рождения... А тебе я тоже обязательно куплю, даже не сомневайся!

Олимпиаду Полина провалила. Не смогла собраться, не было нужного настроения, она сама не понимала... Решения рассыпались. Условия казались громоздкими, не подчинялись ей, как обычно. Будто потерял ключ, и вот ты стоишь перед дверью и подбираешь из связки то, что у тебя есть. А замочная скважина ждет свой ключ с уникальной для нее резьбой.

Класс чужой школы, где писали олимпиаду, располагался на солнечной стороне. Быстро стало жарко, а одеты были еще по-зимнему. Щеки пылали, на исписанном последнем листочке — влажный след от ладони. Вышла раньше остальных, хотя время еще не закончилось. Дома никого не было, будничная ночь. Рухнула на кровать и мгновенно заснула.

Проснулась от звука закипающего чайника на кухне. Значит, пришел Игорь, мама обычно задерживалась. Вышла на кухню, на столе — любимые эклеры.

— Полина, как прошло? Ты что-то не в духе? Сложно было?

— Игорь, кажется, я пролетела. Вернее, точно. Почти ничего не решила.

Подбородок предательски задрожал, разревелась. Игорь молча приобнял. Ей вдруг стало так жалко себя, что она впервые почувствовала бесконечное одиночество. А еще появился незнакомый привкус безысходности и собственного бессилия, предвестников взрослой жизни, наверно.

— Полин, ты руки-то не опускай. Обидно, я понимаю! Знаешь, сколько еще будет в твоей жизни таких олимпиад. Нам один профессор в университете говорил, что истинное знание — то, которые вы даже в самых стрессовых ситуациях сможете показать...

— Игорь, спасибо тебе! — Полина вытерла слезы.

— Не за что! Ешь! У нас еще все впереди. Вернее, у тебя. Будем оттачивать мастерство.

Вечером Полина услышала разговор мамы и Игоря. Она легла раньше обычного, но долго не могла заснуть.

— Надя, послушай, звонил сегодня Олег Шамин. Помнишь его? Мы вместе учились, он потом остался преподавать.

— Игорь, смутно очень. И что?

— Он рассказывал про детей. У него старший сын седьмой класс заканчивает, как и Полина. Учится в математической школе, а после восьмого они планируют попытаться в Москву в интернат Колмогорова при МГУ, там живут и учатся одаренные в математике дети со всей страны.

— Не понимаю, к чему ты клонишь?! Ты что же, собрался Полину туда отправить?

— Надя, что ты так в штыки? Я советуюсь с тобой! Как я сам могу такие решения принимать... К тому же туда надо сдавать экзамены, за год мы бы могли ее подготовить! Пойми, это совсем другая стартовая площадка для нее!

— Господи, Игорь! Она же совсем еще ребенок! А это все-таки интернат... пусть и для одаренных детей! Как-то ты меня огорошил своей идеей!

Вот так и шагнули в начало лета с этой будоражащей всю семью идеей. А лето для Полины всегда начиналось каждый год в один и тот же день — 15 мая: мамин день рождения. Вся квартира вдруг заполнялась цветами — тюльпаны, гвоздики и сирень. Дарили в детском саду воспитатели и даже родители, часть цветов мама оставляла в кабинете. Это уже

в далеком будущем стали предподносить орхидеи, удивительно красивые цветы... только они совсем не пахли. И от этого праздник бледнел, и уже не было того упоительного предвкушения лета. Тюльпаны осыпались первые. Полина любила рассматривать их лепестки — темные у сердцевины, будто с ниточками вен, словно сама природа пульсирует в них, нежно и тонко подрагивая тайной рождения красоты.

Накануне дня рождения традиционно шли с подругами обрывать частный сектор, утопающий в сирени. Сами жили рядом с многоэтажках. Две одноклассницы Ольга и Ира. Ольга Верлина — сестра самого настоящего олимпийского чемпиона по гребле. Ольга братом гордилась. Сама тоже занималась греблей и иногда брала с собой в бассейн по благу — брат проводил после тренировок, вода была свободна. Ольга крепкая, высокая. Девушка с веслом, так Игорь шутил. Говорил, дружи с ней, Полина, она в обиду не даст, и смеялся. Ира Казабцова... сидели за одной партой. Бежали с охапками белой сирени, почему-то в этом году хотелось именно белой, и дразнили Иру: «Казабцова, Казабцова — зови меня так! Мне нравится это слово!» «Наутилус» тогда очень был популярен, и особенно песня «Казанова». Ира дулась и показывала язык. В этот раз тоже планировался бассейн. Забежали с букетами к Полине домой, поставили в трехлитровые банки с водой и помчались. Мама была еще на работе. По дороге Полина рассказала подругам о возможных переменах.

— Полин, как же ты там будешь? Интернат все-таки... — Оля взяла под руку ее и Иру.

— Оль! Не висни на мне, ты тяжелая! И вообще, мы точно еще не решили. Осенью поедем на день открытых дверей, посмотрим, что к чему. И потом интернат — это так говорится... Просто буду без родителей жить, вот и все.

— Я бы не смогла! Ты смелая, Полин!.. Мне бы вашей решимости, — вздохнула Ира.

— Сегодня получишь! Будем прыгать с пятиметровки! — Оля подмигнула. — Я загадала, что если ты, Полин, не испугаешься, значит, все у тебя получится! А Ирке я просто волшебного пинка дам для храбрости, — Оля начала хохотать.

— Да ну вас! — Иринка побежала вперед. — Догоняйте!

В раздевалке пусто. Только они трое. Запах хлорки; вода и голоса звонким эхом бьются о стены бассейна: заканчивается тренировка. Заплепали сланцами по коридору. Олин брат издали махнул рукой: значит, вода свободна. Свободна для них троих. А они трое, четырнадцатилетние девчонки, свободны пока от всего: от будущего, слез, одиночества, бесконечной воронки взрослых пустых мыслей. Их легкость в воде ничем не отличается пока от легкости на суше. Только жить, только в настоящем. Все впереди — разводы, драмы, болезни детей...

Ольга окончит институт физкультуры. Поедет отдыхать на Кипр, выйдет замуж за киприота. Родится девочка, а потом будет мучительный долгий развод и требование отца забрать малыша. Через несколько лет Ольга вдруг начнет пить... Ирина наоборот — счастливо выйдет замуж за одноклассника, родится Славка, через год ребенку поставят диагноз — аутизм, вся жизнь подчинится другой новой жизни в каком-то ином измерении...

А пока — хохот, брызги. Ольга первая взбирается на трехметровую вышку, девчонки за ней. Делает кувырок в воздухе и стремительной стрелой разрезает голубую воду. Девчонки по очереди солдатиками прыгают

за ней — немного страшно, но все же привычно. Трехметровку преодолели уже давно.

Оля первая поднимается по лестнице на пятиметровую высоту. Ирина сразу отказалась, а Полина решила попробовать.

Ольга уже в прыжке. Полина подошла к краю. Лишние два метра высоты, и сердце вдруг заколотилось: «Прыгнешь, тогда все у тебя получится!» Надо только прыгнуть. Просто сделать шаг в пустоту, зажмурить глаза, полететь и врезаться в другую стихию. Она примет тебя, обязательно примет. Надо только падать под правильным углом, желательно прямым, иначе будет очень больно.

Сердце птицей трепетало в горле — зажмурилась и сделала шаг. А потом несколько больших секунд, как в сольфеджио, в полете и под водой. Значит, все должно получиться...

Лето началось под знаком Сканави — автора известного задачника по математике для подготовки к поступлению в вузы, очередная удачная находка Игоря на книжных развалах. Много лет спустя, учась в аспирантуре, она подменяла преподавателя подготовительных курсов. Зашла в аудиторию, а на столе для нее был приготовлен все тот же Сканави, только новое издание. На перерыве выгнала школьников, чтобы проветрить аудиторию.

Прошлась между рядами, парты тогда были нещадно исписаны: «Сканави и его беспощадные дроби!», «Корням от Сканави неведома жалость», «Тут у Сканави все известно, но непросто», и так далее, и тому подобное.

— Сможем решить хотя бы половину задач к концу восьмого класса, поступишь с легкостью!

— Игорь, да я все решу, подумаешь! Еще почти год впереди.

— А ты попробуй. Это совсем новый уровень для тебя.

Задачи были невероятные... очень сложные, красивые, притягательные. Именно притягательные. Полина часами не могла оторваться от учебника. Казалось, что собираешь пазл, и вот — еще один элемент, и еще, но не хватает последнего, чтобы завершить картину. Задачи каждой отдельной темы были удивительным образом подобраны друг к другу. Звучали в одной тональности, словно отдельные мазки целой картины. Реши их все, и будет тебе открыто новое — словно отодвинул ночную штору: яркий солнечный свет в глаза, ветка дерева и плывущие облака.

— Полин, собирайся! На речку поедем! Жара сегодня жуткая! — мама возвращалась с работы и каждый раз предлагала.

— Мам, может, вы вдвоем с Игорем, а?

— Странная ты, Полин! В отпуск все равно не сможем поехать...

— Мне отец обещал Крым в августе.

Мама и Игорь уезжали, а Полине хотелось побыть одной. В тишине слышалось гораздо больше, и свой внутренний голос начинал звучать совсем по-другому. После восьми вечера распахивала окна настежь. Становилось прохладнее. Чайная ложка соды в холодную воду из-под крана, чуть лимонной кислоты и ложка клубничного варенья — самодельная газировка, Игорь научил.

К августу купили новый купальник, ярко-красный... А в Крым не поехали.

— Детка, прости! Соседи на этой неделе залили. Татьяна решила делать ремонт. Наверстаем следующим летом.

Во время ремонта виделись с отцом всего один раз за месяц. Приезжала без ночевки. Татьяна и Аня выносили книги из кабинета деда. Полки пусты, а стопки многоэтажками росли в коридоре прямо на полу. Аня водрузила последние несколько книг на ближайшую к ней стопку, та покачнулась и рассыпалась горой на полу. Пара обложек оторвалась — книги были старые, справочники по физике, другим техническим наукам. Без обложек листы казались обнаженными. Стало неуютно и тоскливо.

— Поль, да ты не волнуйся! — Отец подмигнул ей. — Никуда от тебя дедово наследство не убежит. Мы это все на дачу перевезем. А там, может, и на книжные развалы.

— Пап, ну как же... Ты же сам говорил, что тут что-то ценное есть для меня, помнишь?

— Детка, ну что тут может быть ценного? Математическая энциклопедия только. Помню, с каким трудом ее доставали, — между прочим, в тот день, когда ты родилась. Можешь, кстати, забрать, я специально отложил. А вообще-то, храню все это только ради памяти отца до твоего семнадцатилетия, как и обещал ему.

— Пап, комната пустая без книг...

— Ерунда. Это пока. Мы ее решили Ане отдать.

Полина забрала все четыре тома энциклопедии и уехала домой.

А потом был дождливый сентябрь, кленовые листья расплывшейся акварелью качались в лужах, а еще ярко-бирюзовая куртка, которую привезла мамина подруга из Польши почему-то за бутылку водки. Там тогда дефицит был с ней, а у нас с куртками. На кармане — вышитая пальма. На всю школу — несколько счастливых обладателей. Куртки были одинаковые, и всего два цвета — бирюзовый, как у Полины, и салатный. В этой куртке и поехали в ноябре с Игорем в Москву на день открытых дверей в школу-интернат имени Колмогорова. Куртка была легкая, осенняя, а у зимней прошлогодней стали короткими рукава... Мама связала теплый свитер (распустила свой старый) и заставила надеть под куртку, тогда все так жили... доставали, перешивали, перевязывали и долго помнили потом вот такие бирюзовые куртки.

На вокзале встретились с другом Игоря и его сыном, которые тоже ехали на день открытых дверей. Билеты купили заранее, чтобы оказать ся на соседних полках плацкарта.

— Полина, это Максим. Познакомьтесь, — Игорь подтолкнул ее к высокому пареньку.

Тот стоял без шапки. Русые вьющиеся волосы собраны в хвост. Улыбнулся, улыбка была хорошая... Почему-то вдруг стало остро стыдно, что она в шапке. Глупо, конечно...

— Максим.

— Полина.

Пока проверяли документы при входе в вагон, Полина шепнула Игорю:

— Как же ему с такой прической в школу разрешают?

— Да он долго на домашнем обучении был. Занимается прыжками на батуте, неудачно прыгнул на соревнованиях и сломал позвоночник. Во второй четверти теперь в школу пойдет. Ты смотри, не влюбись!

Полина покраснела и нахмурилась, не любила такие шутки. Поезд уносил в ночь. Спать легли почти сразу. Только Игорь с отцом Максима ушли в тамбур курить. В вагоне выключили свет. Полина долго не могла

уснуть. Ездил сто лет назад с родителями на море, ощущения давно забыты. Этот монотонный тревожный ритм, летишь под него в другой город, другое пространство, только мысли — твои, и они принадлежат только тебе. Будто метроном задает сейчас темп твоей жизни, темп для всех тех, кто сейчас спит в этом вагоне.

Утром — туман в голове, за окном в черном небе яркими звездами несутся московские огни, горячий чай в подстаканнике.

Вокзал встречал хмурым рассветом. Когда выходили из вагона, Максим подал руку — непривычно. «Смотри, не влюбись!» — одернула сама себя. А потом — гул метро, потоки людей, машин, необъятность и размах пространства столицы, «ток по рукам», как в песне Виктора Цоя. Полина жадно вдыхала Москву.

Четырехэтажное учебное здание и два корпуса общежития. После самой встречи в актовом зале, где она почти ничего не запомнила и не услышала, голова шла кругом, их провели и показали все. А потом — невероятное, стремящееся ввысь здание МГУ. Игорь рассказал, что до 90-х оно было самым высоким в Европе.

В три часа дня были свободны. Сил хватило только на Красную площадь, затем поехали отдохнуть к родственникам Максима и его отца. Поезд домой уходил в двенадцать ночи. Квартира была пустая, хозяйева в командировке. Мужчины принялись варить пельмени — в морозилке для гостей оставили запас.

— Ребята, отдохните пока в зале, музыку послушайте, обменяйтесь впечатлениями, — Игорь подтолкнул Полину: знал, что она будет стесняться.

Максим кивнул ей и улыбнулся. И стало вдруг очень тепло, легко стало... Вот так в один миг. Так бывает, правда. Будто от другого человека волны идут, теплые или ледяные, он сам решает, ведь источник внутри. И рядом идущих этими волнами накрывает. Главное, чтобы температура волны совпала с твоей. И разговаривать с ним было очень легко. Обсуждали школу, планы на будущее. А потом ели раскаленные пельмени со сметаной, от тарелок шел пар, пили чай. Игорь всегда заваривал очень крепкий. Толсто нарезанный батон, открыли банку абрикосового варенья. Полина часто позже вспоминала терпкий вкус этого московского чая и возникшее вдруг ощущение праздника и эйфории: что-то новое впереди. Новое, тревожное и, наверно, счастливое. Так казалось.

Уезжали ночью. Первая метель бросала снег в окно. Снова метроном задал ритм, поезд зазвучал. Из соседнего купе тихо доносилось:

Солнца свет и сердца звук,
Робкий взгляд и сила рук,
Звездный час моей мечты в небесах.
На заре голоса зовут меня...

Песня «На заре голоса зовут меня» тогда была хитом номер один. Проводница сделала замечание, звук стих.

Много лет спустя случайно услышала эту песню на музыкальном шоу «Голос» уже в чужом исполнении. Сколько всего за эти годы накоплено, прожито, а песня вдруг всколыхнула то удивительно чистое, что завалено сверху тем самым прожитым. А еще от тех советских песен и клипов возникало стойкое ощущение целомудренности.

По возвращению домой взяли с Игорем новый темп. Поделили страницы задачника Сканави на количество оставшихся до поступления месяцев и закусили удила. Мама только головой качала:

— Загонишь девку!

— Надь, да ты посмотри на нее! Она светится вся! Энергия через край просто!

— Тревожно мне все-таки, ребенок она совсем... Как она там будет?!

— Не думай пока об этом, Надь! Может, и не поступит еще...

Такие разговоры часто повторялись. Полина к ним привыкла и особо не вслушивалась. Прибегала после школы, наспех перекусывала и сразу погружалась в решение задач. Она набирала силу, как спортсмен после длительных тренировок. Вдруг стала пропадать та мыслительная близорукость, которая была в самом начале и от которой так много скомканных и порванных листочков валялось вокруг стола. Вот оно условие примера, от него длинная дорога к идеальному миру упорядоченной Вселенной, к ответу. Что-то похожее — от работы реставратора... Полина недавно видела передачу про их работу. Какое мастерство и точность движений рук, точность в ощущениях и предчувствии настоящего, того, что сокрыто. Мастерство приходит со временем. А хочется так много уже сейчас. Длинные выражения сокращались, появлялась красота простоты — и ничего лишнего. И снова приходило непонятное, немного тревожное, будоражащее чувство эйфории, которое появилось в Москве. Вспоминалась поездка, Максим, мысли наскакивали друг на друга и неслись вперед в будущее.

А в настоящем — снова школа, выходные у отца и нарастающая усталость от собственной неискренности в отношениях с Татьяной, вязкая и давящая.

— Пап, нам задали много на выходных, не приеду, прости!

— Детка, возьми учебники с собой, в чем проблема?

— Пап, тащить не охота... Может, на неделе увидимся, погуляем? У нас в среду последнего урока не будет. А у тебя перерыв в это время!

— Полин, не получится. На этой неделе номер сдаем, не до перерывов будет.

На зимних каникулах поехали на пару дней с мамой и Игорем на турбазу с ночевкой. Игорь предварительно созвонился с Олегом Шаминым, отцом Максима: компанией веселее, да и ребятам полезно пообщаться — дай Бог, вместе поступят.

Корпуса плохо прогреты, сырое постельное белье, в столовой горячий чай и сухой паек — печенье, тушенка, хлеб. С собой привезли яблочный джем и борщ в термосе. Сдвинули столы, взрослые шутили, вспоминали свое пионерское детство в лагере недалеко от турбазы. Борщ ели из металлических мисок: такую посуду тогда делали на авиационном заводе. Было невероятно вкусно. Максим сидел напротив, рядом с отцом, и выглядел каким-то другим с этой короткой стрижкой, повзрослевшим, глаза еще больше стали и светлее. Он улыбнулся, но не было того тепла, которое так остро она ощутила в Москве, а будто отстраненность появилась, или так показалось за общим столом.

Вечером всей компанией отправились на лыжах. Легкий мороз, скрип снега, запах влажных сосновых веток, а еще черное небо, пульсирующие в нем звезды, и речка белой искрящейся лентой разделила пространство. Смех и голоса взрослых. Тишина уже почти ночного зимнего леса. Взрос-

лые обогнали ребят. Максим шел по колее впереди, Полина за ним. Она сняла рукавицы, остановилась, зачерпнула снег и умылась им, лицо загорелось. Только зимой и всегда потом во взрослой жизни с первым снегом, особенно в зимнем лесу, ей казалось, что она соприкасается с тайной. Тишина Вселенной и падающий из этой гудящей звездами бесконечности снег — и твоя жизнь одним мигом, одной из этих ледяных снежинок затеряется на земле или влажных ветвях спящих деревьев.

Взрослые сильно оторвались. Игорь несколько раз оборачивался и махал им рукой. Максим шел ровно. Полина стала уставать, но отстать не хотелось. На небольшом пригорке не удержала равновесия, охнула и упала в снег. Заболела нога, которую сломала в прошлом году на катке. Максим услышал, обернулся, подъехал, снял варежки и подал руку.

Рука была горячая и влажная от снега, попавшего в рукавицы. Полина поднялась, но на лыжах идти не смогла.

— Обопрись об меня.

— Спасибо, Максим. Ногу, наверное, подвернула.

Оба сняли лыжи. К ним уже спешили взрослые. Игорь кричал, чтобы стояли на месте. Они и стояли. Только Максим крепко сжимал ее руку. И ее рука тоже стала горячей и чуть влажной. С ногой все обошлось, но пришлось лежать остаток вечера в корпусе. Родители снова ушли кататься, а Максим с отцом уехали вдруг в город: что-то срочное, даже не попрощались, только рука горела воспоминанием.

После Нового года время вскачь понеслось. Когда живем будущим, настоящее не замечается: глотаем его большими кусками. Полина жила будущим, мыслями о поступлении. Была уверена, что начнет учиться вместе с Максимом. Становилось тревожно, радостно. Потом вдруг отчего-то страшно, вспоминала, как в детстве любила смешивать краски, когда рисунок не получался. Сначала отдельные яркие и сочные мазки акварели, и что-то вдруг идет не так, рука не слушается. Кисточка любой цвет вбирает и бьет им по незаконченному рисунку. Так рождается хаос. Становится неуютно и холодно...

Весна пришла по календарю как праздник — бурная, солнечная, пахнущая тающим снегом и обнажающейся землей. Вступительные экзамены были назначены на конец мая.

Надо же, год пролетел... И снова мамин день рождения, охашки сирени, девчонки, запах хлорки и бассейн. За неделю до отъезда Игорь наконец-то получил зарплату — тогда уже начали сильно задерживать. Поехали на центральный рынок, где продавалась на улице в палатках одежда — это называлась «толпа». Поехали приодеть Полину. Май был холодный, всю цвела черемуха, а ночью заморозки. Первые в своей жизни джинсы Полина мерила, стоя на брошенной на землю картонке. В то время даже зимой обувь так примеряли. Не у всех висели в палатках занавески. Продавщицы загораливались собой, чтобы можно было переодеться. Новые голубые джинсы, а еще в придачу — белая водолазка-лапша. Полина хотела синюю, но Игорь настоял. Запах черемухи и пронизывающий холод, дрожь от такого простого счастья. А еще разорились на кроссовки.

— Гуляем, Полин! — Игорь смеялся.

— Игорь, а мама не будет ругаться? Нам же еще месяц жить!

— Будет, конечно! Но снова живем! Слушай, а поехали в парикмахерскую, а? Оброс я, времени все не хватает.

— А давай! Я покорооче хочу тоже. А потом эклеры купишь? — хотела добавить «как папа», но промолчала.

В парикмахерской, пока ждала своей очереди, листала журналы с прическами, и вдруг — женские модели с задорными мальчишескими стрижками. Села в кресло и ткнула пальцем в одну из них. Парикмахер внимательно на нее посмотрела: «А знаешь, тебе пойдет!»

— Полина, надо же! Никогда не любил короткие стрижки у женщин. А тут! Ты невероятно похорошела!

— Игорь, как думаешь, мама ругаться не будет?

Мама только руками всплеснула: «Полин, взрослая ты какая с этой стрижкой!»

На вокзал пришел проводить отец. Полина волновалась, но Максима все не было. Позже выяснилось, что они не смогли взять билеты на тот же поезд. И снова грохочущая, теперь уже весенняя Москва.

Первый экзамен по математике начинался в десять утра. В девять были на месте, коридор полон — родители и поступающие. Максима с отцом пока не было. В коридоре стало очень душно, колотилось сердце. Без двадцати минут десять пригласили в аудиторию. Родителей попросили спуститься в холл.

А вот и Максим: щеки пылают, видно, что торопились. Он увидел ее, улыбнулся и кивнул. Рассаживали по одному за парту. Полину посадили вперед — стук сердца, звук открывающегося окна, монотонный шум машин и запах мела. Полина навсегда запомнила звучание этого дня. Начали раздавать листочки с заданиями и давать небольшие пояснения. Пару минут — и тишина: время пошло. Время, которое разделит их жизнь, окатит новой волной или вернет в старое русло.

Первые задания, как обычно, легче, дают разогнаться. Глубокий вдох и выдох, так учил Игорь. Сердце успокоилось, а голова стала ясной. Решалось легко, появилось чувство азарта и радости от того, что задачи поддаются, раскрываются перед ней. Было впервые так легко. Вдруг возникла уверенность в своих силах. Ведь после долгих тренировок или нескольких лет гамм и штудирования учебника по музыке Хачатуряна удастся часто всего один-единственный прыжок в длину — или единожды безупречно сыгранная музыкальная пьеса. Так рождается профессионализм. Несколько раз проверила все решения, ладони влажные от напряжения, на листочках отпечатались следы пальцев. «Ребята, сдаем!» Преподаватели стали проходить по рядам и собирать листочки. Полина вышла одной из первых, в дверях обернулась. Максим, склонившись, еще дописывал.

Внизу ждали родители, вечером — поезд домой, а пока, как и осенью, — та же квартира родственников Максима, пельмени и чай в прозрачном чайнике цвета темного янтаря.

— Ребята, отпускаем вас погулять. Максим, ты же уже был в Москве на соревнованиях, значит, ориентируешься. За Полинку отвечаешь головой! А мы с Олегом отдохнем: спеклись, пока вас ждали.

— Конечно, ребят, езжайте, — отец Максима кивнул.

И вот пустое посреди дня грохочущее метро и отражение себя в окнах вагона. Отражение, которое нравится, — новое и непривычное: в тех самых джинсах, белой водолазке, с короткой стрижкой. Полина стояла, держась за поручни, хотя вагон был полупустой. Максим сидел напротив и просто смотрел на нее. А потом был старый Арбат, теплый майский вечер, мороженое в ГУМе и еще «Детский мир». Удивительно огромный;

тот, который был дома, занял бы малую часть. Витрины с куклами Барби, которые только начали тогда появляться, — оторваться невозможно: потрясли такие взрослые женские наряды на изящных куклах. Замерла у витрины. Максим тронул за плечо, она повернулась и ахнула: он держал большого светло-коричневого плюшевого медвежонка:

— Это тебе! Ты не волнуйся, деньги я сам заработал, в прошлом году дали спортивную стипендию.

— Спасибо! — прижала медведя и залилась краской.

Максим вдруг взял ее за руку и улыбнулся: «Нам пора уже, Полин!» Так и ехали в метро, взявшись за руки, в окне вагона уже вдвоем отражаясь.

Результаты сообщили через несколько дней по телефону. Максим не набрал нужное количество баллов, а Полину пригласили в начале июня на второе испытание — писать сочинение.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АХИЛЛЕС И ЧЕРЕПАХА

Острое чувство радости после новости о первом экзамене сменилось вдруг тоской, отчаянием, равнодушием. Так вдруг приходит опустошение. Просто сначала Полина узнала про себя и только через час — про Максима. Внутри еще радость плескалась, и не было места для другого. А потом вдруг — брешь, радость по капле стала уходить, а корабль тонуть. Игорь понял. Хорошо, что мамы еще дома не было. Подошел, приобнял.

— Ну что, приуныла, Полин?

— Да нет, устала просто, — сказала и отвернулась: слезы пеленой предательски — на глаза, мир размытым стал.

— Знаешь, детка, не всегда выходит так, как мы хотим... У тебя свой путь, Полин.

— Я знаю, Игорь, мы же давно приняли решение.

— Поверь, тебя никто не будет заставлять. Давай все-таки поедem и напишем сочинение. Вдруг завалишь? — Игорь подмигнул, рассмеялся и взъерошил ей волосы.

— А вот и не завалю! — Полина показала язык и смогла улыбнуться в ответ.

И вот уже летний вокзал, вечерний, суматошный и уставший. Снова ночной поезд. Те же джинсы, только футболка вместо водолазки. Игорь отбежал к киоску купить воды. Приехали с запасом по времени и в здание вокзала еще не заходили. Рядом — автобусная остановка, она пуста, под светом фонаря лавочка приглашает присесть. Легкий ветер, деревья зашумелись друг с другом еще свежей листвой.

Подошел автобус, сонно запыхтел и открыл двери. Максим! Полина непроизвольно бросилась к нему, застеснялась и остановилась. Хорошо, что в темноте не видно, как щеки пылают.

— Я пришел проводить! Узнал у отца, каким поездом вы уезжаете!

— Спасибо, Максим! Я тут Игоря жду, он за водой побежал. — Ей хотелось сказать ему, чтобы он не расстраивался, что провалил экзамен, и что-то еще, но все казалось пустым, и как за доли секунды это понимает-ся? И хорошо, что не становится словами.

— Полин, ты не думай, я не расстроился! — сказал и сам смутился. Не то и не так все. — Знаешь, я до августа уеду в спортивный лагерь в Крым, а потом обязательно позвоню тебе, хорошо?

— Конечно!

Подошел Игорь, пожал Максиму руку. «Ребята, пора нам!»

Сочинение Полина написала на «отлично». Мама всегда говорила, что у нее патологическая грамотность и чутье языка. А в июле предстояла так называемая летняя школа в самом интернате: знакомство с преподавателями, общежитием, занятия, а по итогам — зачисление. Но летняя школа больше для адаптации, конечно. Основной вклад внесли результаты экзаменов.

По приезду дома устроили праздничный ужин. Мама приготовила любимый оливье. Непривычно: летом вдруг вкус Нового года на губах. Вспоминали, как долго шли к этому витку в Полининой жизни. Как у Фазиля Искандера — «Праздник ожидания праздника», и этим все сказано. Ожидание праздника было одно, а сам праздник получился совсем иным. На следующий день пировали у отца. Девочкам даже разрешили выпить немного шампанского первый раз в жизни. Искренние тосты отца и натянутость со всех четырех концов стола. Отпросилась пораньше. И выдохнула уже в подъезде.

В июне мама взяла неделю отпуска. Достала с антресолей ткани и начала обшивать Полину: цветастые юбка-брюки из легкого шелка, тогда модно было, а еще пару сарафанов — один с мелкими ромашками, а второй бирюзовый, однотонный. Запасов ткани было много. Ее в свое время доставала бабушка, мамина мама, как она сама говорила: готовлю Полинке приданое. Кроме тканей к приданому прилагался еще сервиз, привезенный из самой Риги. «Надя, узнаю, что пользуетесь, — обижусь! Это для Полины!» Мама каждый раз, доставая на праздник сервиз, просила: «Бабушке не говори только, хорошо?»

Июль застучал по крышам домов дождями, а после каждого дождя — своя радуга: одна неповторимая только для него. Так и стояли с Игорем, прощаясь под дождем, около знакомого уже четырехэтажного здания интерната. Полина не разрешила дальше провожать, немного стеснялась. Забрала рюкзак, вещей было мало. Летняя школа проводилась в течение трех недель.

Открыла тяжелую дверь. В коридоре суета. Приезжие с рюкзаками, чемоданами, некоторых сопровождают родители. Воспитатели оформляют документы, выдают ключи от комнат, что-то объясняют. Очередь двигалась быстро, но от шума и волнения быстро навалилась усталость. Вдруг захотелось выскочить, догнать Игоря и вернуться домой.

Сзади подтолкнули. Полина обернулась: необычный восточный разрез глаз, прямой нос, смоляные волосы собраны в длинный хвост, джинсы и яркая футболка, профиль ни больше ни меньше одной из древнегреческих богинь, выточенных на кораблях воинов Эллады.

— Твоя очередь, не спи!

Полину оформили, дали ключи от комнаты на втором этаже. На ключе — бирка с номером, объяснили правила проживания. Она обернулась — стоявшая за ней девушка, похоже, будет соседкой. По лестнице поднимались молча, посматривая друг на друга. Коридор светлый, традиционные горшки с цветами на подоконниках. На стенах фотографии — преподаватели с мелом у доски, студенты, подписаны фамилии. А вот и их комната. Полина открыла, зашла первая. Три кровати, светлые крашенные стены, большое окно, форточка открыта, запах летнего дождя и чужого города, шкаф, у окна столик, нехитрая обстановка.

— Фатима. Ударение на второй слог. Нальчик. — Улыбнулась хорошо. Полина всегда остро чувствовала людей по их первой улыбке. Отметила, как смешно и невероятно обаятельно она складывает губы трубочкой, когда говорит.

— Полина. Воронеж. — И тоже улыбнулась.

Заняли кровати и начали разбирать вещи. Третья кровать пока пустовала. Полина повесила сарафаны в шкаф, остальные вещи положила на полки. Плюхнулась на кровать, достала книжку и стала украдкой наблюдать за Фатимой. Взрослые уверенные движения. Перестилает постель, как будто давно здесь живет, — как быстро подчинилось ей пространство.

— Чаю попьем? У меня в термосе остался после поезда.

— Конечно!

Чай был еще теплый. Фатима достала завернутый в полотенце пирог:

— Угощайся, это мама в дорогу пекла. Осетинский с зеленью и сыром.

— Спасибо! Вкусно как!

— Такие только мама печет. Плюс ей в карму.

Любимая присказка Фатимы, непривычно и непонятно. Долго потом обсуждали тему этих самых плюсов, которые карму спасают. Третья соседка так и не появилась, подумалось, что, может, и к лучшему. В этот же день было собрание в актовом зале учебного корпуса, а вечером — торжественное открытие летней Колмогоровской школы, ужин. Всего набрали три потока: физико-математический, химический и биологический. Все — с дальнейшей перспективой поступления в МГУ. В девять вечера девочки, переполненные впечатлениями дня, мгновенно уснули.

Дни понеслись вскачь. Две недели занятий с утра и до пяти вечера с перерывом на обед, дневной отдых. Третья неделя планировалась для проведения итоговой олимпиады. Были практические занятия и лекции, непривычно и ново. На практических занятиях в классах — примерно по тридцать человек. Лекции проводили в большой аудитории, парты амфитеатром. На лекциях Полина слушала заворуженно: немного из курса углубленной школьной программы, теории чисел, начала математического анализа. Школьная математика звучала по-новому, особенно на практике, когда преподаватель вдруг предложил «пошевелить параболу», а это значило просто ее переместить. Все стало живым — числа, примеры, теоремы. Это потом уже во время учебы узнала, что многие из преподавателей были учениками самого Колмогорова или учениками его учеников. Мощная советская математическая школа.

Пару раз возили на экскурсии по Москве. Много информации, в автобусе душно, делали остановки, выходили. Однажды у входа в парк в центре Москвы попросили разрешения попить газировки из автоматов. Воспитатели разрешили. Тут же выстроилась очередь. Полина с Фатимой оказалась в самом конце, пить хотелось ужасно. Газировка обожгла прохладой, несколько жадных глотков, а потом долгий грушевый вкус до окончания экскурсии.

Вечерами общаться не удавалось, настолько уставали. Обменивались парой фраз и засыпали. На практических занятиях сидели за одной партой. Ребята все очень сильные, мальчишек и девчонок примерно поровну. На одном из первых занятий преподаватель предложил дать свою трактовку известной апории древнегреческого Элейского философа Зенона «Ахиллес и Черепаха». Апория — в переводе означает трудность,

парадоксальные рассуждения, у Зенона — на тему движения и множества.

Историки упоминают около сорока апорий. До нас дошло только девять. «Ахиллес и Черепаха» — наиболее известная. Смысл ее такой: Ахиллес бежит в десять раз быстрее, чем черепаха, и находится позади нее на расстоянии, например, тысячу шагов. За то время, за которое Ахиллес пробежит это расстояние, черепаха проползет в ту же сторону сто шагов. Когда Ахиллес пробежит сто шагов, черепаха проползет еще десять шагов, и так далее. Процесс будет продолжаться до бесконечности. Ахиллес так никогда и не догонит черепаху.

В классе начались жаркие споры. Много вариантов, предположений, преподаватель опроверг все. Фатима подняла руку, встала и победила. Победила так, как будто в ней самой текла кровь великого Зенона. Красивый профиль, красивая трактовка апории с применением теории пределов. Полина про нее тогда только слышала от Игоря. Преподаватель начал аплодировать, остальные поддержали. Смешанные чувства бурной волной накрыли: восхищение, радость за подругу, а потом неожиданно ревность кольнула — и неприятный ее привкус поразил. Откуда, почему, ведь была сначала радость... «Это что-то извне, это не мое!» А в конце занятия преподаватель дал пример по новой теме, которую только что разбирали. И Полина единственная из группы решила его правильно. Решение показала на доске. Так неожиданно и, пожалуй, закономерно началось противостояние Полина vs Фатима.

Последняя пятница перед третьей неделей была свободная, дали отдохнуть. Разрешали гулять, но только на территории интерната. С четверга вдруг погода испортилась и, как часто бывает летом после сильной жары, подул сильный ветер, который принес резкое похолодание. После завтрака решили вернуться к себе, отменив прогулку. Небо потемнело, и дождь мрачно забарабанил по стеклу, будто неожиданно осень заглянула в окно. Захотелось спать, Полина залезла под одеяло прямо в одежде.

— Полин, о чем ты мечтаешь? — вдруг спросила Фатима.

— Домой что-то очень хочется. Из-за дождя, наверное. А ты?

— Я не об этом. А вообще — о чем мечтаешь?

— Не знаю... Все время о разном. Это как та самая апория Зенона... Ахиллес никогда не догонит черепаху. Понимаешь, о чем я? Никогда не догонит, хотя вроде бы должен... Это все равно, что думать о том, как быть постоянно счастливой. Я путано объясняю, да?

— Да нет, пожалуй... Просто Зенон был не силен в теории пределов, вот и все. А мечтать надо, иначе мы не сможем двигаться.

— А ты о чем мечтаешь?

— Хочу мамино осетинского пирога, — Фатима рассмеялась. — Неделя осталась всего!

Последняя заключительная неделя летней Колмогоровской школы полностью выделялась под олимпиаду, которая проводилась в несколько этапов. Три дня — три этапа, понедельник и вторник на подготовку. В заключительный тур из всего потока прошло десять человек. Девочки прошли обе.

— Фатима, послезавтра домой, ура! Я по дому соскучилась ужасно! Вот вернусь — и сразу с моими на речку, я вечно отказывалась!

— Как учиться здесь будешь? Привязана ты к дому сильно. Тосковать начнешь. Это не три недели...

— Не знаю, если честно. Надеюсь, нас вместе поселят. Завтра заключительный этап. Но уже не важно, кто победит, правда?

— А мне важно! Гордыня — минус мне в карму, — Фатима рассмеялась.

Полина вдруг осознала, что и ей это тоже важно — и очень хочется победить. А наутро — азарт и кровь в висках стучит, отмеряя минуты: их всего сорок — на решение задач. Дались они легко, но заняла второе место. А первое — Фатима.

В субботу — торжественное закрытие и отъезд. На прощание обнялись. А вот и Игорь машет за забором рукой. Полина кинулась к нему. Даже не ожидала, что так соскучится.

Первые недели после приезда радость по утрам ярким солнечным светом будила. Мама и Игорь уже на работе. Дом, ее дом, просыпается вместе с ней. Свист закипающего чайника, мерное тиканье настенных часов, они треснули прямо посередине, мама все собирается купить новые. Жарко, балконная дверь нараспашку, и звуки улицы врываются в комнату летним праздником. Кажется, начинается новая жизнь. Или кончается старая. И вот ты балансируешь на границе и хочешь схватить в охапку все звуки, краски, мысли из старой жизни и ничего не растерять. Потому что неизвестно, что тебя ждет и чем ты сможешь наполниться.

Полина каждый такой день как бусину нанизывала и наслаждалась тем, что они похожи. Словно время замерло, ей так хотелось. Только в августе дни стали окрашены немного по-другому. И из открытого настежь балкона ночной прохладой и предчувствием осени веет. Телефонный звонок ворвался утром вместе с запахом уходящего лета:

— Полина, это Максим!

— Максим, ты... не ожидала! — И оба замолчали.

— Я знаю, что ты поступила, поздравляю! Я не сомневался даже, ты молодец!

— Спасибо!

— Слушай, давай погуляем сегодня! Предлагаю через пару часов около центрального парка.

— Принимается!

Кинулась к зеркалу и начала примерять свой нехитрый летний гардероб. Остановилась все на том же сшитом мамой сарафане с мелкими ромашками. Наспех выпила чай. Попыталась подкрасить глаза маминой тушью, тогда у всех была одинаковая, ленинградская, в маленькой черной коробочке. Тушь оказалась твердой, и ее приходилось смачивать. Получилось плохо, пришлось все смыть. Намылила лицо, вокруг глаз очковый эффект — рассмеялась и взъерошила волосы. На всякий случай написала записку родителям и выскочила из дома. За полчаса на троллейбусе можно доехать до центрального парка, он еще «Орленком» называется.

Максим уже ждал ее. Он очень загорел и как будто сильнее вытянулся. Увидел ее — Полина почувствовала, как смутился. Утренний парк тихий, солнечный, только начинает наполняться голосами, шумом воды включившегося фонтана, скрипом старых качелей-лодочек. Качели пока все свободны, выбирай любые. Приседаешь и лежишь, вот так просто, только напротив обязательно кто-то должен стоять, одной взлететь не получится.

Когда спускались, Максим подал ей руку. Так и гуляли потом, взяв-

пишь за руки. Говорили обо всем на свете. Было очень легко, радостно и немного тревожно, как будто прыгаешь с обрыва в воду. И точно знаешь, что сейчас прыгнешь, уйдешь с головой, и, может быть, даже перехватит дыхание, и лишь несколько секунд отделяют тебя от другой стихии, а восторг уже наполняет.

Внезапно налетели тучи, и пошел дождь. Максим вдруг стал поглядывать на часы.

— Ты прости, меня отец просил к двум вернуться, что-то помочь ему надо. Я провожу тебя?

— Конечно.

В автобусе ехали молча. Дождь усилился. Потоки стекали по стеклу, размывая очертания улиц, деревьев, домов. словно не было солнца, качелей и его теплой руки, а может, уже никогда и не будет. Полина едва сдерживала слезы, отвернулась к окну. Когда подъехали к ее остановке, дождь уже стихал.

— Я позвоню на той неделе, можно?

— Конечно, Максим.

А потом он поцеловал ее. Просто прикоснулся губами к щеке и убежал, махнув рукой на прощание. И она в тот же миг начала ждать следующую неделю.

Максим позвонил в понедельник. Встретиться не получится, отец едет в командировку в Москву до конца лета и его берет с собой.

— Полин, ты пиши мне, хорошо? Я приеду к тебе в Москву в сентябре, обещаю! У отца частые командировки, он меня с собой может взять.

— Конечно, Максим, я напишу!

Повесила трубку и вышла на балкон, и снова — глубокий выдох и вдох, как учил Игорь. Ну что, вроде бы легче? Значит, будем писать. Выдохнула лето, а вдохнула осень, внутри пасмурно и хмуро. Осталось десять дней до начала нового учебного года, время для сборов, и обязательно надо съездить к отцу, попрощаться.

Все эти суматошные дни будто наблюдала за собой стороны. Ездили с мамой на рынок-толкучку, покупали осеннюю обувь.

Потом проводы у отца. Все как обычно, хотя она остро чувствовала, что Татьяна и Аня рады, да и она тоже, но отец загрустил за столом.

Вокзал, мама, Игорь, пришел отец, мамины слезы, а Полине плакать не хотелось. Только сердце вдруг заболело. И она испугалась этой боли. И снова метроном поезда, снова Москва. 31 августа утром прибыли.

Заселили в ту же комнату. Фатима уже раскладывала вещи, обнялись, оказалось, она попросила, чтобы их поселили вместе.

В дверь постучали, появилась третья соседка, удивительно хрупкая с длинной соломенной косой, северная сдержанность.

Представилась:

— Ольга. Можно к вам, девочки?

— Конечно! Располагайся, будем знакомы, — Фатима улыбнулась и протянула новенькой руку.

Ольга прилетела из Норильска. Позже, познакомившись с классом, Полина оценила, насколько широкой была география учащихся Колмогоровской школы. А потом вспомнила, ведь им рассказывали на одном из первых общих собраний, как Колмогоров мечтал дать возможность детям из самых удаленных городов получить лучшее математическое образование в стране. Многие, кто оканчивал эту школу, становились известны-

ми учеными, академиками. Конкурс был невероятно высоким. Лучшие среди равных, так говорили преподаватели про своих выпускников.

Ольга была молчунья. Много читала, перебрасывая косу со спины на плечо — так удобнее читать лежа. Она уравнивала сдержанный темперамент Фатимы. Полина же чувствовала на себе влияние обоих полюсов, и ей было приятно зависеть от них, а еще притягиваться то к одному, то к другому в зависимости от погоды, настроения и того, насколько она скучает по дому.

Сентябрь стал самым ярким месяцем для Полины. Первый в новом учебном году, а значит, и самый яркий. Новый класс, ребята со всей страны. Многие из таких городов, про которые Полина даже не слышала, хотя неплохо знала географию и любила играть с Игорем в города. Москвичи тоже были, но в меньшинстве. В общежитии они не жили, после занятий уходили домой и держались немного особняком, а иногда открыто заносчиво. Не уроки, а пары, непривычное обращение на «вы», преподаватели, а не школьные учителя. Многие из них оказались учениками Колмогорова.

И совсем другое отношение к математике — нежное, восторженное. Их учили говорить на этом невероятном языке, сейчас они были на уровне механической отработки гамм. Преподаватели все удивительно эрудированные, разбирались в музыке, искусстве, некоторые со спортивными разрядами. Полина только потом, во взрослой жизни, где-то читала, как Колмогоров отбирал преподавателей для своей будущей школы... Вот такие супер-люди. Он и сам был таким. Выдающийся математик советской школы.

Первая пара по введению в математический анализ. Вошел немолодой, очень высокий и очень некрасивый, как показалось Полине на первый взгляд, мужчина. Прямая спина, плохое зрение и толстые линзы очков. Глаз за ними почти не видно, чем-то похож на Абажа из «Королевства кривых зеркал» — но вдруг неожиданно невероятно обаятельный, а значит, все-таки красивый. Только Полина это не сразу поняла — что можно быть красивым вот так, по-другому! Рыжков Александр Борисович, это он позже выберет из всего класса именно Полину и Фатиму и предложит им заниматься уже с третьекурсниками, как сейчас принято говорить, научным проектом. Тогда это называлось простым словом «курсовая».

И сначала пробовал расстановку сил в группе. Вдруг выяснилось, что Ольга, их с Фатимой соседка, может в уме совершать арифметические операции с огромными числами. Александр Борисович к всеобщему ликованию даже заключил с ней пари.

— Пономарева, давай на спор! Если ты все-таки ошибешься хотя бы один раз, тогда в конце месяца весь класс не будет писать итоговую контрольную. В противном случае напишем сразу две!

— Не ошибусь, Александр Борисыч!

— А ну-ка посчитай, моя хорошая, два миллиона триста тысяч...

Но Ольга никогда не ошибалась.

— Все учитеесь у Пономаревой, должны быстро считать в уме.

Это потом уже много лет спустя появилась та самая модная ментальная арифметика, а тогда это называлось активный устный счет, и даже были разработаны специальные методики для таких устных тренировок.

— Оль! Ну как это возможно?!

— Фати, не стань, я спать хочу! Поль, ну скажи ей! Я уже много раз говорила, специально не училась этому! Просто голова так работает, будто бы вижу эти цифры в столбик, ответ сам собой получается! И ваш активный устный счет ни при чем! Сами им занимайтесь с Рыжковым!

— Нет, Поль, ну ты посмотри на нее, она точно от нас что-то скрывает!

Подушка летела в сторону Оли, общий хохот, и такое простое ощущение безмятежности, которое потом сквозь годы вспоминается как счастье.

В первые пару недель учебы Полина и Фатима снова стали лучшими среди равных в классе, как и в летней школе. Фатима мыслила очень нестандартно и быстро, иногда из-за этого допускала ошибки. Полина была лучше натаскана, и это порой мешало получать такие оригинальные решения, как у Фатимы. Но такого противостояния, как летом, уже не было. Будто бы обе уже что-то смогли доказать всем и самим себе, а сейчас новый этап, глубокое погружение, и все лишнее, пустое ушло на вторые и третьи планы.

— Эх, девочки! Вас бы соединить! Советская математика вздрогнула бы! — Александр Борисович смотрел на них сквозь толстые стекла и посмеивался.

Москвичи ревновали. Те из класса, кто попал в Колмогоровский интернат, раньше учились в престижных московских школах. На переменах держались отстраненно, но по неясным причинам приняли в компанию Ольгу. Ольга была вместе со всеми и ни с кем. Ей было комфортно одной и в шумной компании москвичей, а еще лучше с книжкой на кровати и своей невероятной косой, переброшенной на плечо во время чтения.

— Фати, почему нас не принимают москвичи, как думаешь? Потому что мы с периферии, да?

— Поль, ерунду говоришь! А они глупо себя ведут. Не знаю и не хочу даже голову забивать себе. Я учиться сюда приехала.

— Ну, Ольку же приняли... Потому что она красивая, да?

— И поэтому тоже! Слушай, дались они тебе! Пойдем лучше родителям звонить, Оля нам очередь заняла.

Междугородние звонки стоили очень дорого, поэтому разрешали звонить на выходных один раз. Время разговора не больше трех минут, воспитатель стоял рядом и контролировал очередь и время. В конце первого месяца во время разговоров с мамой начинало щипать в носу. Полина еле сдерживалась, чтобы не разреветься.

— Поль, ну что ты замолчала? Только не реви! Хочешь, мы приедем и заберем тебя? Я уже сама вся извелась.

— Мам, ну что ты! Все в порядке у меня! Просто здесь очередь, и говорить не очень удобно! Я тоже скучаю! Дай мне Игоря.

— Полька! Как ты там? Тебе Максим передает привет большой, а еще он отправил тебе письмо, оно должно на днях прийти. Не скучай и учись на всю катушку!..

На последней паре Александр Борисович вдруг торжественно остановился возле доски, молниеносно и легко стер кружево формул — белое на темно-зеленом. Молча обвел класс глазами и мелко закивал. Он всегда так делал в минуты особого торжества математики, как он сам это называл.

— А теперь, коллеги, позвольте впервые вас так назвать, попробуйте решить вот такое матричное уравнение! Многие из вас пока плохо знако-

мы с алгеброй и теории матриц. Попробую сейчас кратко пояснить. Те из вас, кто к концу первого полугодия покажет мне решение, смогут заниматься под моим руководством над более серьезной научной проблемой вместе с третьекурсниками.

После пар бежали на первый этаж в столовую, есть хотелось просто ужасно. На переменах перекусывали только москвичи, угощали яблоками Ольгу.

В здешней столовой все было очень вкусно, совсем не так, как в «столовке» бывшей Полининой школы. Говорили, что меню составлялось каким-то особым образом, чтобы вносить свой скромный вклад «в грандиозное будущее большой советской науки». В столовой светло и просторно, неравномерный грохот стульев, приглушенный звон посуды, смутно пахло по-домашнему какой-то выпечкой и солянкой. Ее часто давали на первое. Стояли в очереди на раздаче пока с пустыми подносами. От возможности выбора немного кружилась голова. Кладли несколько кусков мягкого, идеально нарезанного хлеба, ставили граненые стаканы с прозрачным компотом. Вот наконец повар в очередной раз погружает половник в огромную кастрюлю, и солянка дымится у тебя на подносе. А еще второе и выпечка.

— Поль, ну куда ты столько мучного, а? И хлеб, и булки еще? Положи немедленно! Никакой силы воли! Минус тебе в карму.

— Отстань со своей кармой! Я есть хочу ужасно просто! Мне даже сначала послышалось, что Борисыч сказал «пряничные уравнения», а не матричные, представляешь?!

— Попробуем решить, Поль?

— Конечно.

В коридоре вахтер передала для Полины письмо. Надо же! Все-таки от Максима... У нее вдруг возникло ощущение, что будто предала какую-то частицу внутри себя, будто в кувшине на дне была чистая вода и ее надо было беречь, чтобы утолить жажду. А она не сберегла, долила через край чем пришлось. Ни выпить, ни вспомнить, какой прозрачной была вода... Открыла конверт, повернулась лицом к стене и, еще не начав читать, ощутила острую тоску по дому, последнему и первому их с Максимом августу перед дождливой и хмурой осенью... Он писал, что в школу совершенно не хочется ходить. А еще: «Знаешь, отец планирует командировку в Москву на каникулах. Можно, я приеду с ним? Даже если ты не ответишь, Полина, я все равно приеду...»

Слезы солеными ручейками по щекам, уткнулась лицом в подушку. Фатима присела на кровать и погладила по голове. Ольга еще не вернулась.

— Домой хочешь, Поль? Ну, потерпи! Скоро каникулы уже! Давай лучше уравнение Борисыча посмотрим, а?

— Ты начни пока, Фати, я немного полежу еще.

От подушки — чужой казенный запах: пропиталась слезами Полины и сразу стала чужой. Как хочется в свой мир, к своим вещам. Сквозь сон услышала, как хлопнула дверь. Наверное, Ольга вернулась, или это снова скрип старых качелей в парке. А как она вдруг там оказалась? И солнце... снова августовское солнце, будто последний раз. Осенью оно совсем другое, уходит, прощаясь. И дождь, тот самый, когда возвращались с Максимом домой, и хотелось плакать, а потом след его губ на щеке. А дома вдруг оказались мама и Игорь. Надо же! Они ведь должны быть на работе, и мама кинулась ее обнимать. Потом побежала заваривать чай и жа-

рить сладкие грешки. В комнате стало душно, она вышла на балкон, по-дул сильный холодный ветер, и дверь вдруг захлопнулась, Полина стала кричать и барабанить. Игорь почему-то не слышал ее, а мама была на кухне. Внезапно пошел снег, и снова снежинка на ладони. Поднесла ее к глазам и вдруг так ясно и четко увидела удивительно правильный геометрический рисунок. И чем ближе подносила к глазам, тем сложнее и фантастичнее открывался узор. Было невообразимо холодно, но домой почему-то уже не хотелось стучаться. Хотелось запомнить, навсегда запомнить и понять волшебную геометрию этой снежинки. Вдруг Полину заколотило, наверное, от холода, а может быть, от радости, что ей вдруг открылась...

Сквозь сон услышала голоса:

— Оль, укрой ее моим одеялом, колотит ее как сильно! Я побежала за воспитателем.

— Полин, проснись, надо температуру померить! Ты горишь вся. Плохо тебе?

Два дня пришлось провести в медпункте, температура почти 38, и немного болело горло. Потом отправили снова в общежитие, но на занятия сказали еще пять дней не ходить. Еду девочки приносили ей из столовой, и несмотря на страшную тоску по дому после того письма, она ощущала себя счастливой в этой тишине. Фатимы и Ольги полдня нет, и так непривычно было слышать только себя, иногда редкие звуки в коридоре, уборщица бряцает ведром, а потом все смолкало надолго до обеда.

Когда девочки утром уходили, Полина выключала свет, подходила к окну и долго смотрела на темный дворик общежития. Два фонаря освещали дорожку, облетевшие кусты вдоль нее, а еще две рябины у входа в здание. Почему-то очень хотелось нарвать горсть ярких ягод и наполнить их терпкой горечью рот.

Съедала уже остывший завтрак, быстро делала уроки и садилась за уравнение Борисыча. И вдруг ощущение невероятного подъема и каких-то небывалых ранее внутренних сил. Новый шаг и предвкушение той самой истины в творчестве или науке, которая вот так вдруг сделала тебя проводником чего-то свыше. Словно тебе удалось на один-единственный миг увидеть отражение неделимой частички Вселенной и до дрожи ощутить соприкосновение с ней. Это все равно, что долго думать о бесконечности, как в той песне Вячеслава Тихонова из любимого фильма мамы «Доживем до понедельника»: «На гранях ума содрогаются атомы». Какое точное выражение.

За пять дней одна полностью исписанная тетрадь. Полина любила писать простым карандашом, чтобы обязательно был хорошо наточен. Пока ровная стружка летела из-под ножа в мусорное ведро, вчерашний день исписанными страницами перед глазами, как кадры фильма. Простой карандаш в отличие от ручки не оставлял ощущение безвозвратности. А назад приходилось возвращаться вновь и вновь, стирать, править, видеть новое, двигаться той дорогой, которая была единственно возможной и интуитивно верной. Иногда охватывали минуты отчаяния, и она переставала видеть и чувствовать. И тогда ей словно не хватало воздуха, а грудь наполнялась злостью и пустотой. Полина открывала настежь окно и вдыхала холодный осенний колючий воздух.

— Поль, повезло тебе! — смеялась Фатима. — Специально разболелась, чтобы над уравнением сидеть, да? Оль, нам с тобой догонять придется!

Ольга только плечами пожимала. Таким привычным движением перекидывала косу через плечо и ложилась с книгой. Позже все вместе сидят за уроки.

За неделю до начала осенних каникул звонила домой. Трубку взял Игорь, мамы дома не было:

— Польша, как мы соскучились по тебе!

— Игорь, и я! Домой хочется, сил нет просто!

— Послушай, я хотел приехать за тобой, но позвонил Олег, он едет в командировку и захватит тебя на обратном пути, как раз в первый день каникул, хорошо?

— Конечно!

Положила трубку, она была черной с бисером пота от ее рук. Полина постеснялась спросить, приедет ли с отцом Максим. Вот еще секунду назад могла спросить, но нет... Трубка лежит блестящим молчаливым коромыслом, и невидимый ток проводов больше не соединяет два голоса, две точки пространства и времени.

В конце четверти подошла к Александру Борисовичу и показала свои наброски. Тот долго листал, молча кивал, хмурился, возвращался назад, некоторые формулы обвел ручкой.

— Знаешь, Полина, ты далеко пойдешь, если не бросишь.

— Александр Борисыч, почему я должна бросить?

— Не знаю, подумалось вдруг. Глупости, конечно.

— А что с уравнением? Я на правильном пути?

— Есть слабые места, я обвел их. Подумай, пока слишком тяжеловесно. Будь изящней, ты увидишь — рациональное решение очень красиво! Дерзай, все получится! Только на каникулах отдохни. Дай отлежаться своему решению.

Последний день четверти. Собирали вещи, на неделю все уезжали домой. Поезд Фатимы уходил поздно вечером, обнялись и попрощались. Без нее комната сразу стала пустой. Ночевали вдвоем с Ольгой, которая уезжала утром, а за Полиной днем должен был заехать Олег.

Думалось сразу обо всем. И, как это часто бывает, когда долго чего-то ждешь, вдруг стало так пусто, будто все, что копилось, перестало в тебе уместаться. Просто вылилось невидимой рекой и заполнило все пространство вокруг, а ты — начало начал, и источник этой реки совершенно пуст, потому что все отдал. И надо набирать самому снова из той прошлой старой жизни. А уже отвык, и русло другое...

К обеду осталась одна в комнате. Вещи были собраны, в комнате идеальный порядок, кровати заправлены. В дверь постучали. Полина вскопчила: «Входите!»

В комнату вошел Максим. Оба молчали. Максим подошел и вдруг обнял ее, поцеловал в макушку, а она разревелась. От него пахло зимой и морозом, а еще немного поездом и домом.

Он говорил, а она продолжала реветь, уткнувшись в него.

— Устала ты тут, да, Польша? Отец внизу нас ждет! В этот раз на машине домой поедем!

Добирались около семи часов с одной остановкой на заправке. Полина почти всю дорогу спала, ее всегда укачивало в машине. Иногда она слышала сквозь сон, как тихо играет радио и переговаривается Максим с отцом, слышала, как он сказал ему:

— Сынок, ты разговаривай со мной, а то боюсь уснуть.

Домой приехали в первом часу ночи. Город спал, укутанный первым снегом, ночные огни, и такое незнакомое раньше чувство родного города.

Издаലെка увидела у подъезда маму с Игорем. Оба стояли без шапок, мама в распахнутом пальто, придерживала руками борта. Комок в горле. Максим повернулся к ней: «Я позвоню, Полин!»

Все так быстро! Выскочила из машины, и сразу в объятия мамы, такой родной запах. Обе расплакались. Игорь потащил их в подъезд. Какое острое ощущение дома, оно начинается с запаха родных людей, с их прикосновений, улыбок и взглядов. А потом — подъезд с облупившейся зеленой краской, и кажется, помнишь каждую трещинку, каждую ступеньку в нем. И вот дверь в твоё пространство. Снова объятия, разговоры за столом почти до двух ночи. Мама наготовила всего, но есть не хотелось, только чай с травами из нарядной кружки праздничного сервиза. Достали по случаю.

— Ладно, девочки, пора спать! Завтра мне на работу, а мама отгул взяла, побудете вместе!

Утром разбудил запах драников. Их готовила еще бабушка, мамина мама. Это запах счастливого детства. Так должно пахнуть утро — безмятежностью, солнцем, уютом и... драниками. Значит, мама рядом, а та вторая реальность и интернат где-то далеко.

— Поднимайся, соня! Завтрак готов! Папа уже звонил. Вечером поедешь к ним?

— Не знаю! Если честно, папу хочу видеть, а туда ехать не хочется!

— Ладно, Поля! Решай сама! Еще девчонки твои звонили, хотят повидать тебя. За неделю каникул много успеть надо!

Семь чудесных дней, самые счастливые и самые длинные из таких коротких каникул, потому что вместили в себя так много. Полина действительно не поехала к отцу домой, и решение об этом вдруг далось ей легко, а он не стал уговаривать, будто и сам что-то понял.

Они просто гуляли, как когда-то давно. Был легкий морозец и чудное настроение, которое всегда приходит в ноябре с первым снегом. Будто на небе кто-то глянул вниз на хмурые серые улицы и такие сиротливые без листьев кроны деревьев и начал щедрой рукой сыпать пушистый снег. Все дни — как праздник. Поход в кино с девочками и даже незапланированный бассейн.

Максим позвонил в первый день ее приезда, а встретиться получилось только в среду. Они снова гуляли днем: так было удобнее всем, и не надо ставить в известность родителей. И был их парк, теперь совсем пустой, скрипящие качели, взмывающие в низкое, полное снега ноябрьское небо. Они молчали вместе с засыпающей природой, так было надо в ожидании зимы.

Позже была еще одна их встреча и прогулка накануне Полининого отъезда. Максим повел ее на набережную. Темнело, начинали зажигаться огни. Монотонный шум несущихся машин и бездонное черное водохранилище. И только их с Максимом две жизни ярко пульсируют в этой пугающей гудящей бесконечности. Он вел ее за руку, а потом вдруг остановился, и Полина поняла, что если он ее сейчас поцелует, то она никуда уже не уедет. Но этого не произошло.

Был какой-то скомканный отъезд и пустота, и ощущение, что пытаешься жить сразу в двух мирах, в двух реальностях, и от невозможности такой жизни начинаешь просто распадаться на атомы.

Фатима и Ольга уже были в интернате. Полина вернулась последней. Все трое оставались еще дома — каждая у себя в своих мыслях. Разговаривать не хотелось, машинально раскладывали вещи.

— Фати, ты тетрадь мою не видела?

— Какую именно?

— Общую тетрадь, на ней еще подписано: «Уравнение Борисыча».

— Не видела, Поль! Может, с собой забирала?

— Да вроде нет...

— Девчонки, налетайте, мама пирог передала осетинский с зеленью.

Пили чай, ели необыкновенный тающий во рту пирог, от зелени — привкус лета. Обменивались впечатлениями от каникул.

Тетрадь нашлась неожиданно через пару дней, лежала в стопке на столе с другими тетрадями Полины. Надо же... Дни побежали, полетели один за другим все дальше и дальше от осени в зиму, и все дальше от дома. В интернате топили очень хорошо. Полина вспоминала, как дома мама во время сильных морозов в младших классах нагревала утюгом постель. Какое счастье было после ванной юркнуть под одеяло и жадно вбирать в себя тепло нагретой простыни, укрыться с головой и хохотать — мама ее щекотала. А сейчас тоже под одеялом с фонариком. В девять старались выключать свет — сильно уставали после занятий и уроков. Нагрузка во второй четверти заметно увеличилась.

Светила себе и продолжала писать формулы, кружечком заполнявшие всю тетрадь. Возвращалась назад, к тем местам, которые обводил Александр Борисович. Что-то зачеркивала, переписывала, соединяла новыми нитями, и часто не помнила потом, как засыпала. И на этой тонкой грани между сном и явью обычно приходили самые яркие, самые красивые и правильные решения. И можно было отгородиться этим другим миром от дома и тоски. Только надо суметь погрузиться в него, до конца с головой уйти в эту воронку.

В начале декабря Полину вызвал к себе Александр Борисович.

— Полин, как там мое уравнение?

— Александр Борисович, у меня вроде бы пара недель есть? Вы же сами сказали, что сделать к концу года.

— Полин, мне в больницу надо лечь, поэтому и прошу показать. И, знаешь, тут у тебя конкурентка появилась Ольга Пономарева. Не ожидал от нее! Ход рассуждений очень похож на твой. Вы случайно не вместе решали? Ну и Фатима, конечно, тоже. У нее свой нестандартный подход. Короче, приноси, что есть, буду смотреть.

После занятий в тот день возвращалась в общежитие одна. Фатима была у зубного. Когда вернулась, та делала уже уроки.

— Поль, представляешь, Ольга съехала от нас в другую комнату! Буркнула что-то невнятное, я ничего не поняла! Говорит, что здесь холодное крыло, а у нее хронический насморк или что-то в этом духе. Странно, правда?

Через неделю их троих Александр Борисович вызвал к себе.

— Ну что ж, девицы, поздравляю! Все трое будете работать со мной, вы отлично потрудились! Правда, Полина с Ольгой немного не довели до конца, но теперь будем продолжать вместе. На пару недель мне придется лечь в больницу. Так что завтра познакомлю вас с моим аспирантом, он будет меня замещать.

Без Борисыча стало пусто и сначала очень тихо, а потом очень шумно на занятиях. Аспирант Дмитрий Петрович — высокий, худой — сутулился у доски и рассказывал материал самому себе. Он представился и

попросил девочек остаться после занятий, чтобы вместо Александра Борисовича заниматься с ними. Полина сослалась на головную боль и вернулась в общежитие. Фатима пришла через час.

— Поль, ну ты что! Так нельзя! Столько усилий! Вернется Борисыч, куда не денется! И потом дело же не в нем! А в самой математике. Разве нет?

— Может, и не в нем! Не знаю... Мне вдруг стало неинтересно... Буду ждать, когда он вернется... Две недели всего, он же сам сказал.

Но через две недели он не вернулся. Дмитрий Петрович сказал Фатиме, что Александру Борисовичу предстоит длительное лечение и неизвестно, когда он вернется в Колмогоровскую школу.

Перед Новым годом череда похожих, запорошенных снегом дней закрыла занятия, итоговыми контрольными, подготовкой к праздничному концерту. Но Полина в нем не участвовала, впрочем, как и Фатима. Вроде бы Ольга должна была петь, но они почти уже не общались. Оценки выставили двадцать пятого декабря. Полина и Фатима обе и единственные в классе закончили на отлично.

На следующий день в актовом зале состоялся концерт. Первые ряды заняли преподаватели. Около сцены огромная елка, стулья, обтянутые красным бархатом, ученики в парадной форме. Сначала торжественные речи, после них начался сам концерт. Первой неожиданно объявили Ольгу Пономареву, сольный номер. За рояль села немолодая дама, черное платье в пол и идеально прямая спина. Вышла Ольга. Тоненькая, полуоткрытые плечи, подчеркнутая талия и пышная юбка нежно-голубого цвета, невероятная коса распущена. Когда Ольга шла к роялю, то был слышен легкий стук каблучков, и невозможно было оторвать глаз от ее волос, соломленной рекой струящихся по спине. И, наверное, не важно, как и что она пела. Но пела она тоже великолепно. «Застыли реки, и земля застыла...»

— Поль, ты жива? Любуешься?

— Ага!

— Эх! Не быть ей математиком!

— Почему, Фати?

— Слишком красивая!

— Ну, вот еще... Глузости говоришь! Ты тоже красивая!

— Я интересная, разницу ощущаешь? Я, кстати, догадалась, что она у тебя списала.

— Ну и ладно, мне не жалко...

На них зашикали с соседних рядов.

А на следующий день обнялись, как пару месяцев назад, на прощание до очередной четверти.

— Фати, что-то у меня предчувствие, будто я тебя не скоро теперь увижу!

— Поль, да ты что говоришь, не пугай меня! Ты устала просто, и еще из-за Борисыча расстроилась сильно, я же вижу. Отоспись хорошенько, отдохни, вернешься с другим настроением, вот увидишь!

— Ладно, Фати, ты тоже отдохай! Пирог привезешь осетинский?

— А как же!

В этот раз возвращалась домой с отцом. Он был в столице по делам и специально дождался Полину, чтобы вместе ехать домой. До вокзала добирались на такси. Отец сидел впереди, расспрашивал Полину, поворачиваясь к ней. Она отвечала невпопад и просто смотрела в его родное лицо,

вдруг замечая, что он постарел. От этого стало невыносимо грустно, а может, действительно просто устала.

Снаружи пошел хлопьями снег. Дворники, сердито скрипя, смахивали его с лобового стекла. И очень хотелось ощутить легкое острое счастье от возвращения домой, но его почему-то не было... Наверное, от того, что этот другой мир, который на вокзале, провожал их гулом тысяч голов и монотонным стоном поездов, все еще держал ее за руку. И было трудно вырвать эту руку, чтобы полностью освободиться.

Поезд уходил из Москвы в ночь, и в шесть утра прибывал. Доехали на пустом троллейбусе до Полининого дома. Отец обнял ее, договорились обязательно сходить на каток на праздниках.

А потом была новогодняя ночь с оливье и мандаринами. Игорь принес елку прямо тридцать первого, и дом начал наполняться ее запахом. Мама всегда просила его покупать именно елку. Полина даже боя курантов не дождалась, уснула. Утром, как в детстве, нырнула вниз под елку за подарком. Надо же! Первый в жизни магнитофон-кассетник! Игорь разорился, а Полина ведь давно мечтала именно о таком. Она легла на спину, почти касаясь головой ствола елки, и стала смотреть сквозь ветви. Если немного прищурить глаза, то зеленое кружево иголок начинает переливаться разноцветным волшебством новогодних игрушек и предвкушением чуда. В этот миг она вдруг почувствовала, что тот второй, сейчас далекий мир отпустил ее руку, и легкое ощущение счастья, которое Полина так ждала, наполнило ее.

Мама и Игорь еще спали. Полина прикрыла дверь на кухню, чтобы не разбудить их, поставила чайник и начала готовить омлет. Открыла банку яблочного джема, мама разрешала на праздники, налила себе кофе и теперь уже точно почувствовала себя абсолютно счастливой.

Весь день первого января валялись все вместе перед телевизором и в тысячный раз смотрели фильм «Чародеи». Полина вдруг вспомнила Ольгу, которая пела на сцене песню из этого фильма.

Вечером за ней заехал отец, и они отправились на тот самый каток, где Полина подвернула ногу и началось знакомство с новой семьей отца. Надо же, как далеко это все от нее сейчас. Как было больно когда-то, а теперь другие мысли и другие чувства вытеснили те, старые. Значит, мы, как кувшин, не можем вмещать бесконечность. Сейчас легкий мороз, музыка, счастливый и такой молодой смех отца рядом. И почему ей показалось тогда в такси, что он постарел? После катка зашли в кафе, заказали борщ и эклеры с чаем. Смеялись всему подряд, обжигались восхитительным борщом. Полина видела, что отец очень соскучился по ней, и от этого было так тепло. И снова острое чувство счастья.

Через пару дней поехали на ту же турбазу, что и год назад, вместе с семьей Максима. Будто и не прошел целый год, насыщенный такими разными событиями. А время сделало петлю и вернуло всех в ту же самую точку пространства. Вот бы замереть так навсегда, потому что очень тяжело путешествовать из одной реальности в другую.

И снова звездный ночной купол над ними с Максимом, и родители где-то впереди смеются и поют песни. И только звенящая тишина. А потом был первый поцелуй, и жар, и холод, и бесконечность этих секунд, и мир до и после.

Следующий день — уже дома, как в тумане, привыкание к этому новому общему для них с Максимом миру.

Началась вторая неделя каникул, и мама с Игорем стали говорить о том, как и с кем Полина поедет в Москву. От этого было ощущение, что ты долго взбирался на гору и тебе не дали полюбоваться видом сверху, а просто подошли и столкнули. И вот ты катишься кубарем вниз, и чем дальше, тем больше становится.

С утра вдруг неожиданно потеплело, и даже пошел дождь. Нещадно бил каплями прямо по снегу, и он как-то горестно и обреченно таял. От этого хотелось плакать. Максим почему-то не звонил, а она просто не могла позвонить ему сама. Мама и Игорь были на работе — долгие зимние праздники придут уже позже, спустя годы.

Полина бродила в тишине, а потом залезла на подоконник и уткнулась носом в холодное стекло. Дождь стучал, просился к ней в комнату: мол, открой настежь окно, я зайду, и нам не будет так одиноко вдвоем.

Вечером за ужином мама сказала:

— Поль, мы с Игорем посоветовались и решили тебя одну на поезде отправить! На вокзале встретят папины знакомые и отвезут в интернат. Как тебе такая идея?

Полина неожиданно для самой себя разрыдалась, будто она наполнилась тем дождем, который шел весь день, и теперь плачет уже не небо, а она.

Мама с Игорем переглянулись.

— Доченька, ну что ты! Еще почти пять дней каникул, успеешь отдохнуть! Просто нам надо заранее решить и взять билеты, понимаешь?

— Мама, прости! Я не могу! Не хочу туда ехать! Мне тяжело, понимаешь?

— Господи, Полина! Что ты говоришь?! Столько сил, стараний и моих нервов, между прочим! Столько пройдено уже! Ты просто сегодня не в духе, может, не выспалась, погода хмурая, да?

— Мама, ты не слышишь меня разве?!

Полина вскочила из-за стола, впервые в жизни хлопнула дверь в свою комнату и закрылась. Но голоса на кухне все равно были различимы.

— Надя, не трогай ее пока!

— Между прочим, это твоя была идея с самого начала! А теперь что? Она себе жизнь ломает! Это что, шутки — поступил, бросил!

— Надя, неужели ты не видишь — ей тяжело вдали от дома. Мы же не могли заранее предположить, как она сможет там адаптироваться! Не стоит на нее давить.

— Ну, знаешь, что! Заведи своих детей сначала, а потом советы давай, теоретик!

Дальше хлопнула входная дверь... Кто-то из них ушел. Не навсегда, конечно. Но что-то треснуло, и все из-за нее.

Остаток каникул были разговоры, уговоры и слезы, и так по кругу много раз. Приезжал отец, но не уговаривал ее. Она только слышала, как они ругались с мамой на кухне, а Игорь снова ушел. Полина осталась... Осталась с чувством вины, а не с легкой душой. Она знала, что мама обижена на нее, на себя и на Игоря. Обида эта разделила их всех троих.

И радость дома, к которой она так стремилась, вдруг померкла. К этому неожиданно примешалось чувство тоски по Фатиме, Борисычу и даже самому интернату. Вот так все-таки произошло в какой-то момент взаимопроникновение двух миров, а Полина и не заметила.

В старую школу удалось вернуться через неделю после начала третьей четверти. Мама ездила в Москву забирать документы. Игорь вдруг остался дома и сообщил, что он теперь безработный. Перестройка тогда уже цвела буйным цветом. Многие заводы и производства в городе остановились. Авиационный завод начал выпускать стиральные машины. С этой новостью мама и уехала в Москву.

Полина продолжала вздрагивать от редких телефонных звонков. Максим позвонил и сказал, что заболел гриппом, но при Игоре разговор совсем не клеился. Дома вдруг стало тяжело. Игорь как-то сник и целыми днями лежал на диване. Полина ждала, когда кончатся уроки, и сбегала из дома к своим девчонкам. Заваривали кипятком китайскую лапшу, которая тогда только стала появляться в киосках, и заедали ее толсто нарезанным хлебом. На хлеб обязательно надо было налить подсолнечного масла и посыпать солью. Если хлеб был свежий, прямо из магазина, то он тут же, как губка, впитывал в себя масло. А лапшу заваривали в тех самых металлических мисках, которые тоже изготавливал авиационный завод. Тогда у многих родители на нем работали. В такие моменты Полина почти снова становилась счастливой. Почти. Возвращалась домой, садилась к Игорю на диван, открывала тетрадь с уравнением Борисыча, и они вместе обсуждали каждый шаг, каждый виток и иногда спорили. Игорь снова становился веселым и сильным, таким, как раньше... ненадолго, правда.

В конце недели из Москвы вернулась мама, чмокнула ее в макушку и обняла. От мамы еще пахло поездом. Полина уткнулась в нее и поняла, что мама больше не обижается.

Потекла третья четверть. Полина тосковала. Случайно услышала разговор Игоря с мамой о том, что Максим попал с осложнением от гриппа в больницу.

В школе было скучно, и она даже умудрилась получить несколько троек.

Игорь по-прежнему подолгу лежал на диване, много читал и что-то выписывал себе в тетради. Полина закрывалась в своей комнате после школы. Наспех делала уроки и до вечера слушала магнитофон. Возвращалась с работы мама, и в доме повисала тишина — нехорошая и вязкая.

В конце февраля Игорю вдруг предложили работу. Кто-то позвонил, Полина слышала обрывки разговора. Слышала, как радостно и неуверенно отвечает Игорь. Он ворвался к Полине в комнату и начал кружить ее, а потом они пошли в ближайший кинотеатр на первый попавшийся сеанс. Там шла тогда ретроспектива фильмов Тарковского, который стал любимым для Полины на всю жизнь. Смотрели «Зеркало». В зале было всего несколько человек, и Полина мало что поняла. Но было очень сильное чувство соприкосновения с чудом, будто отодвинули ночную штору и яркий солнечный свет ударил в глаза, и ты еще не успел зажмуриться, и слезы полились от этой неготовности.

После сеанса долго шли молча, чтобы не тревожить, не расплескать. Был конец февраля. Снег хлюпал под ногами, пахло разрезанным арбузом. Позже Игорь стал объяснять ей многое из фильма и читать стихи Арсения Тарковского.

С утра я тебя дожидался вчера,
Они догадались, что ты не придешь,
Ты помнишь, какая погода была?
Как в праздник! И я выходил без пальто.

Сегодня пришла, и устроила нам
Какой-то особенно пасмурный день,
И дождь, и особенно поздний час,
И капли бегут по холодным ветвям.
Ни словом унять, ни платком утереть...

У Полины сжималось и колотилось сердце, и это было про них с Максимом.

— Знаешь, Польша. Ты тоже когда-то сможешь говорить. Понимаешь, о чем я?

— Громко и четко? Да?

— Конечно! Только на языке математики...

Почти каждый год потом Полина ждала эту ретроспективу и ходила на все фильмы Тарковского. Со временем смогла достать видеокассеты.

С новой работой что-то не пошло, и Игорь впервые в жизни вернулся домой нетрезвым. Мама уже места себе не находила, было почти девять вечера. Эра мобильных телефонов грянет еще не скоро. Полина слышала, как они снова ругались. Мама упрекала его, а потом плакала.

Максима выписали в начале марта, и он сразу из больницы приехал к ней. Игоря не было дома — очередная попытка устроиться на работу. Мама искала все новые варианты, а он просто ходил на собеседования и все отвергал.

Полина звонок услышала не сразу, а когда открыла дверь, то не поверила, вспыхнула краской и побежала ставить чай. И был счастливый теплый мартовский день. Пили чай, Максим рассказывал больничные байки, и они смеялись. Открыли форточку, потому что внезапно стало очень жарко, и весна вместе с солнцем и теплым ветром плеснула прямо им в лица.

Пришел Игорь совсем в другом, осеннем, настроении. Ребята поспешили на улицу. Долго гуляли, целовались и были абсолютно счастливы. Домой не хотелось, и было страшно расплескать все то, что они набрали за этот день. Таких дней в марте оказалось много. Все они звенели капелью и ожиданием еще большего счастья.

Но как-то вдруг грянул конец четверти, и маму Полины вызвали в школу, потому что она умудрилась написать итоговую контрольную по алгебре на тройку. Четвертная оценка получилась спорной между тройкой и четверкой. Мама снова плакала и даже не стала разговаривать с Полиной, а вызвала отца, и снова обрывки разговора, услышанного из ее комнаты. Игоря в тот вечер дома не было.

— Андрей, да не в мальчике дело! Хотя, может, и в нем... Не надо было ей бросать интернат.

— Надя, зачем ты давишь на нее? Ну и получила бы тройку в четверти, подумаешь!

— Господи, Андрей! Неужели ты не понимаешь, дело не в оценке вовсе, а в том, что она теряет интерес...

— Что мы можем сделать? Запретить им встречаться, так лучше будет, по-твоему? Тогда станешь ей врагом номер один! Знаешь, мне пришла в голову мысль... Помнишь то наследство, о котором говорил отец?

— Смутно что-то... но ведь речь шла о семнадцатилетии. И вообще, как это может помочь?

— Знаешь, мне интуиция подсказывает, что может! Ничего страшно-

го, что мы чуть чуть больше посмотрим, что там. Я завтра возьму отгул на работе, и смогаемся с Полинкой на дачу! Не возражаешь?

— Да о чем ты, Андрей... Езжайте, конечно...

— Надь, а ты что-то плохо выглядишь. Устаешь сильно?

— Спасибо за комплимент!.. Иди уже!

На следующий день Полина с отцом поехали на дачу. Ближние и Дальние сады. Тогда у половины города там имелась своя дача от какого-либо предпринятия.

Полина почти не помнила это место. Вроде бы ее возили туда летом, когда бабушка и дедушка еще были живы.

Снег в городе почти стаял, в трамвае пусто. Они ехали молча, и Полина была благодарна отцу, что он ни о чем ее не расспрашивает. После трамвая пересели на загородный автобус. В полях лежал снег, солнце билось лучами в грязное окно автобуса.

Несколько остановок, совсем недолго, и вот они, Ближние сады. Узкие дачные улочки, похожие домики и ровно нарезанные шесть соток вереницей друг за другом.

Ноги утопали в снегу. Дачный сезон пока не открыли, и дорогу прокладывали они с отцом первыми. Наконец, отец остановился. Что-то смутное из детства — вот он, маленький кирпичный домик за забором из штакетника. Вроде бы дед сам его перестраивал, тогда мало у кого были кирпичные дачи... А вот и яблоня, на нее вешали качели, правда, папа? Или я что-то путаю? Да, Полин, были и качели...

Отец долго возился с замком.

В доме пахло сыростью, а еще тем удивительным запахом, которым пахнут только деревенские дома или дачи: это запах трав, чабреца и мяты, прелых яблок и слив, деревянных полов и чего-то неуловимого и почему-то родного. Две комнаты — зал и спальня, — маленькая кухня. Отец пошел ставить чайник. Старый пыльный телевизор, под ним вышитая салфетка... Надо же! Полина вдруг вспомнила, как бабушка учила ее вышивать, получалось очень неловко. Вот они — ее незаконченные крестики. Бабушка была с Западной Украины, вышитые салфетки, окантовка штор — все осталось. Кроме маленькой Полины и бабушки с дедом. Вещи впитали, вобрали, сохранили их прикосновения. А вот радиоприемник — вдруг вспомнила, как дед крутил ручки, настраивал волну. Маленькая Полина жмурилась и зажимала уши руками, такой скрежет и хаос рвались из ящика в процессе поиска. Дед любил слушать классическую музыку, они садились с бабушкой в кресла, а Полина кружилась для них и просто для себя, так ей было хорошо.

«Станет балериной!»

«Нет, Тоня! Зачем я ей математическую энциклопедию заказал на рождение? Пришлось к завкафедрой обращаться, а ты знаешь, как я это не люблю...»

— Полин, иди чай пить!

Голос, так похожий на голос деда, надо же... А Полина думала, что совсем забыла его. Будто один и тот же человек бесконечно путешествует во времени. Голоса так часто похожи у родителей и детей, особенно по телефону.

— Иду, пап!

Отец колдовал над столом: старая клеенка с большими подсолнухами, открыл консервы с тушенкой, печенье, налил чай, и снова пахло чабрецом. Как хорошо! После чая начали вместе разбирать книги в шкафу,

открытые перевезли сюда после ремонта. Из нижнего отделения отец достал большую картонную коробку.

— Полин, не знаю, что здесь, но это и есть твое наследство! Мы должны были открыть только в следующем году, но долой условности, правда?

— Конечно, пап!

— Ты сама, ладно? Я пойду покурю пока.

Полина аккуратно открыла коробку. Картон был старый, очень сырой, рвался от ее прикосновений. Обнажились стопки общих тетрадей и просто перевязанные нитками исписанные листы. Полина взяла самую верхнюю тетрадь, села на диван, сердито заскрипели пружины. Открыла. Убористый аккуратный почерк деда. Все записи сделаны простым карандашом, формулы, формулы, сам текст и пометки на полях со ссылками на книги. Первая страница прочиталась легко, почти все понятно. Видимо, это было начало начал. На третьей начались ссылки на источники. Некоторые из них упоминал Борисыч. Где-то даже мелькнуло что-то похожее на то самое матричное уравнение.

Но затем начались такие высоты, что хотелось просто взвыть от своей дремучести, бессилия и невозможности читать дальше. Просто не хватало знания этого удивительного языка. Полина отложила первую тетрадь, взяла другие. Многие начинались с крупных заголовков, что-то связанное с теорией прогнозирования, им рассказывали на летней Колмогоровской школе. И были снова смешанные чувства: и бессилие, и восторг от соприкосновения с такой красотой математики.

Скрипнула дверь.

— Ну что тут, Поль?

— Пап, много всего! Дедовы работы... Я заберу это домой, можно?

— Конечно! Затем и приезжали! Смотрю, глаза горят, это чудесно, детка.

И вот он снова — виток жизненного кружева. Новая петля, ухватившись за предыдущие, потянула вперед, соединяя настоящее и будущее. В начале каникул Полина снова и снова перечитывала ту самую первую найденную тетрадь. Почти за неделю осилила только три страницы, многое оставалось непонятным. Она составила список книг, которые дед помечал на полях. Получалось прилично — почти две тетрадные страницы. Но пока были нужны три книги.

Ездили теперь уже с Максимом на книжные развалы. Продавцы только плечами пожимали. Вам, ребята, прямая дорога только в Никитинку, так называлась городская библиотека. И снова — часами в Никитинке над книгами. Иногда делала ксерокопии на карманные деньги. К ксероксу, правда, всегда стояли большие очереди, да и денег было очень жалко.

Запах книг и в тишине шелест страниц, легкий скрип простого карандаша и уже несколько исписанных тонких тетрадей. Все нужные книги были в библиотеке, но конечно, хотелось иметь такие же свои. Домой их не давали, на них всегда была очередь. Максим встречал и провожал ее до дома. И иногда Полине казалось, что он немного обижен на нее, что она не все время с ним...

Дома было все то же, только еще хуже. Игорь перестал ходить на собеседования и почти весь день спал. К вечеру, когда мама приходила с работы, он уходил, а возвращался нетрезвым. Полина сквозь сон слышала, как хлопала дверь. Днем они почти не общались, и Полина сильно

скупала по нему, только по другому Игорю, не сегодняшнему. Этот был отстраненный и какой-то чужой.

Началась четвертая четверть. Грянул май с сиренью, черемухой, дождями. В школе все стало выправляться. Полина почти полностью закончила первую тетрадь. Мама обещала найти и купить хотя бы некоторые книги из списка.

В начале июня Максим уехал на месяц в спортивный лагерь, а мама вдруг сказала, что им надо на пару недель переехать в квартиру к подруге, пока та отдыхает на море, присмотреть, да и не мотаться цветы поливать.

— Поль, мы разводимся с Игорем... Вот так...

— Мы поэтому сюда переехали?

— Отчасти... Игорь пока у своей мамы поживет. Прости нас, доченька! Не получилось у нас, так бывает...

Мама весь вечер потом плакала. Ночью разбудил звонок в дверь, он был настойчивым и очень резким, сердце колотилось спросонья. Мама посмотрела в глазок и махнула Полине: иди, мол, спать, это Игорь. Она не стала открывать дверь, а он продолжал звонить. Хотелось зажмуриться и закрыть уши руками. Мама сидела в ночнушке под дверью на корточках, закрыв лицо руками, и плакала. Полине не хотелось видеть ее такой и не хотелось слышать, как Игорь рвет ночную тишину этим непрерывным злым звуком дверного звонка.

Вернулись домой, где уже не было Игоря, только иногда попадались его вещи. Июнь был жарким. Мама, как и всегда раньше, ездила на речку после работы, но уже одна. Полину с собой больше не звала.

Панельный дом сильно нагрелся к вечеру, и с улицы летел тополиный пух. Полина еще с обеда задерживала ночные шторы, и только на кухне было ярко и празднично от летнего солнца. Делала себе шипучку из соды, лимонной кислоты и варенья, как научил когда-то Игорь, и сидела за очередную тетрадь. Все тетради оказались пронумерованы сзади на обложке, она не сразу заметила. Полина уже начинала привыкать к ходу рассуждений деда, они были красивы и лаконичны. Полине казалось, что она пришла на концерт великого мастера, а он только касается кончиками пальцев черных и белых клавиш, и музыка льется от этих прикосновений. И вот ей уже разрешено слушать, и уже что-то она в состоянии услышать. Иногда злилась сама на себя, не понимала, часто возвращалась, а потом за доли секунды вдруг приходило озарение и даже чувство эйфории. И Полина видела тогда, видела с помощью математики, как отражается Вселенная в многоводных реках рассуждений деда. Когда-нибудь и она сможет так описать малую, только ей подвластную часть.

После эйфории вдруг почему-то становилось стыдно перед собой и Максимом, ведь она не скупала по нему в эти мгновения, совсем не скупала.

Максим вдруг остался на второй поток в лагере. Позвонил и сказал, что в сентябре какие-то региональные соревнования и тренер просил остаться еще. И вот тут-то она по-настоящему заскучала. В конце июля уже места себе не находила и даже согласилась поехать с мамой на речку.

В маршрутке битком народу, городские спасались от жары, зато пробок тогда почти не было даже в час пик. Вышли на остановке «Почта» и

сразу свернули на проселочную дорогу. Запахло рекой и сладким ароматом клевера. Подул ветерок, и тополя что-то зашептали. Несколько уже желтых листьев упало под ноги. Расстелили коврик прямо рядом с водой. Речка удивительно тихая и ласковая, принимает всю тебя, забирает жар. Полина любила плавать. Игорь научил еще в третьем классе, а мама стояла на берегу и всегда волновалась, иногда махала ей рукой, мол, давай обратно на берег.

— Мам, ты пойдешь купаться?

— Я позже, Польш, когда малыши уйдут, брызгаются сильно они... Польш, я вот подумала, ведь год остался до поступления. Может, в Москву попробуем в МГУ?

— Нет, мам! Не хочу! Не мой город совсем...

— Я тебя только об одном прошу, ты замуж рано не выходи!

— Мам, ну ты что! — Полина покраснела.

В начале августа вернулся Максим, и они снова гуляли в том парке, что и год назад, качались на качелях. Так же, как и год назад, начался ливень, и запахло влажной пылью. Они спрятались под крышу заброшенного тира в парке. Дождь по косой нещадно бил по ногам, они хохотали. Максим вдруг выскочил прямо под дождь и потянул ее за собой. Они бежали под ледяными потоками. Полина сняла босоножки и побежала уже босиком, асфальт был еще теплый... А потом ехали домой в звенящем трамвае, совершенно одни в вагоне, и Максим сказал, что любит ее. Много лет спустя Полина пыталась вспомнить, как он сказал это, какими словами, но почему-то не могла... Только его огромные глаза напротив, покачивание трамвая — и капельки дождя, стекающие с волос по лбу.

— Полина, ты любишь меня?

— Максим, этот вопрос обычно женщины задают, так говорит моя мама...

— Я не могу без тебя, Польш!

— Я не так чувствую, как ты, понимаешь? Я люблю, но, наверное, как-то по-другому!

Разговор этот повторялся много раз. Он был серьезен, а она все время отшучивалась.

Последний школьный год стал суматошным, неся вскачь. Снова участие в олимпиадах, районных, городских, и теперь уже легкие и быстрые победы, а весной предстояла областная. Победителя брали без экзаменов на математический факультет университета. Максим тоже готовился к поступлению, ездил на курсы, планировал поступать сразу на два факультета — математический и физический.

К Новому году Полина закончила штудировать дедовы первые две тетради и даже сделала сама пару выкладок: просто так — несколько штрихов к общей картине. Показывать их было некому. Для своих идей завела отдельную тетрадь. Мама неимоверными усилиями смогла достать пару книг, которые дед отмечал ссылками на полях. На остальные книги нужно было копить, денег уже не хватало на жизнь. Начались талоны, все выкручивались, как могли, через год грянет дефолт. Сахар был по талонам и быстро кончался. Полина бросала карамельки прямо в кипяток, вот такая экзотика девяностых. Мама с подругой ездила пару раз в месяц в соседний город: продавали там яйца — подруга смогла договориться с местным хозяйством. В своем родном городе стыдно было, вдруг кто-то узнает, все-таки заведующая... После таких вояжей

мама всегда шутила, рассказывала всякие курьезные ситуации, продавщицы они были те еще.

На весенних каникулах прошла областная олимпиада, и в начале четвертой четверти сообщили результаты. Полину без экзаменов зачислили на первый курс математического факультета госуниверситета. Мама накрыла стол. Приехал отец с цветами и коробкой конфет. Три красные гвоздики в хрустальной вазе по центру стола и первое в жизни шампанское — такое сладкое и хмельное, смех, а потом вдруг слезы мамы. Заехал Максим тоже с гвоздиками и конфетами, и смеялись уже все вместе. Отец засобирался домой. Мама начала убирать со стола. Ребята ушли гулять, и Полина чувствовала себя особенно красивой в этот вечер, наверное, из-за шампанского...

Последний звонок и холодное, пахнущее сиренью, майское утро. Стояли на линейке в парадной форме и стучали от холода зубами. Дурашливые фотографии с одноклассниками и слезы классной. Недельные поиски ткани на выпускное платье. Купили в итоге в ЦУМе изумрудный атлас, и мама буквально за вечер сшила простое приталенное платье, юбка татьянкой. Волосы укладывать было не нужно, у Полины так и оставалась короткая стрижка. Мама немного подвила щипцами пряди.

Торжественное вручение аттестатов и медалей. Полине вручали золотую. Отец такой непривычный в строгом костюме... Сам выпускной в спортивном зале, накрытые столы, расставленные по периметру, медленные танцы и приглушенный свет.

Максим приехал встречать рассвет с ней и ее классом. Было тепло, несмотря на раннее утро. Он накинул на ее плечи свой пиджак. Шли по дороге к водохранилищу, минут двадцать ходьбы от их школы. Родители — деликатно, немного позади. Все остановились на небольшом подвесном мостике, он немного покачивался. По воде шла легкая рябь, и было чувство шаткости и зыбкости, и впервые в жизни — горький вкус точки невозврата. Первые лучи солнца тонули, таяли в воде, подсвечивая ее изнутри, на поверхности все более четко появлялись очертания деревьев, растущих у берега...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Я МОГУ ГОВОРИТЬ

Максим поступил на физфак. Учиться предстояло на разных факультетах, но в одном корпусе в центре города. Такое счастливое, веселое и свободное время. Первого сентября корпус гудел, торжественная линейка и вручение студенческих билетов, знакомство с одногруппниками. Полина будто снова окунулась в ту уже далекую атмосферу интерната. Только аудитории здесь были в плачевном состоянии, парты исписаны, и на переменах студенты курили вместе с преподавателями прямо в коридоре. Но тот же удивительный дух университета, обращение на «вы», а главное, что Полина теперь снова была не одна в своем плавании. Много из того, что начали преподавать, было уже знакомо. Полина сразу выделилась среди одногруппников.

Преподаватель математического анализа, завкафедрой профессор Алексей Иванович Перов как-то подозвал ее на перемене.

— Случайно не Александра Лаврентьевича внучка?

— Да!

— Сильны, видно, гены его... Подойдешь сегодня к нам на кафедру после пар?

— Конечно!

Кафедра носила изысканное, малопонятное название нелинейных колебаний: маленькая комната и много парт впритык друг к другу. За одной из них Алексей Иванович что-то писал. Полина только в следующем году узнает, что ему исполняется семьдесят лет и он ученик одного из учеников Колмогорова. У него был удивительный тембр голоса — низкий, обволакивающий. Однажды на паре он вдруг зашел что-то из классики. Полина к своему стыду плохо разбиралась. Все обомлели. Благодатная для звука большая поточная аудитория амфитеатром. Полная тишина, и только его сильный голос отталкивается от стен. Музыкальная фраза закончилась, он повернулся к доске и продолжил писать. Аудитория аплодировала стоя.

Полина хорошо запомнила их первую встречу. Перов много распрашивал, где училась, помнит ли деда, почему бросила интернат? Полина очень стеснялась, и было стыдно за то, что бросила, и почти невозможно объяснить. Он понял и поменял тему разговора. Сказал, что ей надо развиваться, иначе станет неинтересно учиться на первом курсе. Дал журнал с одной из своих научных статей и назначил следующую встречу для ее обсуждения.

Полина с легкостью вникла в статью, что-то в ней перекликалось с идеями деда. На следующей встрече она даже предложила немного модифицировать результат. Перов похвалил, ей было очень приятно. Так началась их совместная научная работа. То есть у нее уже на первом курсе появился научный руководитель. Одногоруппники не завидовали, понимали и очень уважали. Она много помогала им во время сессий. Стояла в коридоре и ждала. Они выходили под разными предлогами во время зачетов и выносили ей задания.

Полине хотелось поделиться с Перовым своими выкладками, и пару раз она даже взяла тетради, но что-то каждый раз останавливало — успеется еще!

С Максимом виделись каждый день на большой перемене. Столовая не работала, а у главного корпуса стояли продавщицы с пирожками, по три огромных бидона на каждую — ливер, повидло и картошка. И длинные очереди голодных студентов. Карманных денег хватало ровно на три пирожка. Когда пары заканчивались в одно время, вместе возвращались домой. В любую погоду шли узкими старыми улочками несколько остановок. Полина знала, что сто лет назад отец ходил в кино клуб и даже водил по этим улочкам Юрия Норштейна, тот делал зарисовки для будущей «Шинели».

Много лет спустя она шла так же от главного корпуса университета, но уже одна. Была поздняя осень, накрапывал мелкий дождик. Остановилась около старого домика. В нем давно никто не живет. Окна выбиты, и табличка с размытой от дождя надписью на заборе — продаю. Провела рукой по стене шершавой, влажной от дождя, увитой диким виноградом. Ей вдруг показалось, что Максим издали махнул рукой: мол, догоняй... слезы вдруг вторили дождю.

В конце первого курса грянул дефолт. Мама только что продала квартиру своих родителей в соседнем городе, а на вырученные деньги едва успели купить компьютер. Для Полины, конечно, мечта и счастье. В группе только у трех человек были. Задачи по программированию делали сообща, разбившись на три группы, каждая дома у счастливых обладателей ЭВМ. Скидывались, покупали пряники и кефир на всех, самая любимая студенческая трапеза, и ехали заниматься. Такое безмятежное время для студентов и такое трудное для их родителей.

На мамин садик перестали выделывать бюджетные деньги, и, как это обычно бывает, вдруг накануне зимы прорвало трубы — и полетела вся система отопления. Мама была в отчаянии, кому-то все время звонила, приходила домой поздно, садик на неделю закрыли. В итоге просто пошла просить денег у родителей, которые только начинали свой бизнес. Знала, что у некоторых есть киоски, и не один, тогда это было первооткрывательство. Кто-то ездил в Турцию за одеждой. Люди откликались, через пару недель нашлась бригада, начались ремонтные работы.

Многие производства остановились. Инженеры разной квалификации рядами торговали на толкучке. Мама часто потом вспоминала тот период. Это спустя лет десять-пятнадцать в новой, такой сытой жизни с двумя машинами на семью появится новое поколение молодых родителей, без конца пишущих жалобы в комитет образования: психолог не смог подобрать ключик к ребенку; почему детям до сих пор читают Маршака, а не современных авторов; недостаточно фруктов в детском рационе — и так далее, и тому подобное.

В конце первого семестра Алексей Иванович сообщил Полине, что весной хочет отправить ее выступить с докладом по их совместной работе на конференцию молодых ученых, которая будет проходить в МГУ. Начали готовить текст доклада, а дома мама вечерами строчила Полине костюм для выступления. В университет неизменно ездила в джинсах и вязанных мамой свитерах — вернее, перевязанных из ее старых. Костюм тоже собирался из нескольких маминых платьев. Брюки были темно-серые, а пиджак на тон светлее. Мама говорила, что это благородный жемчужный цвет. Вниз — белая водолазка, которую еще с Игорем покупали...

Первую в жизни сессию Полина сдала на «отлично», а Максим завалил один экзамен и почти все каникулы провалялся дома с учебниками. Полина встречалась с отцом на катке. Знала, что Аня уехала учиться в Москву, но домой к нему все равно не соглашалась зайти.

Начало второго семестра. Интенсивная подготовка к докладу. Полину слушали всей кафедрой. Она ужасно волновалась, во время выступления пылали щеки. Вопросов было много, но она ответила почти на все. Преподаватели хлопали. Полина видела, что Перов ею доволен. В начале марта отправилась в Москву. Решила ехать одним днем, чтобы после выступления ночным поездом — сразу домой. Такой знакомый запах Казанского вокзала, гул метро.

Конференция проходила в главном корпусе МГУ. Участники регистрируются и проходят по указателям в аудитории по своим секциям.

Вдруг окликнул родной голос, обернулась — Фатима!

— Господи, Полина! Как я рада!

Обнялись, разговорились, разошлись по секциям. Договорились после встретиться. Полина выступила хорошо. В этот раз ответила на все

вопросы, а потом Фатима проводила ее на вокзал. Времени было в обрез, и погулять по Москве не успевали. По дороге в метро делились новостями. Фатима сказала, что Борисыч так и не вернулся преподавать, а Ольга уехала в родной город.

— Теперь не теряйся, хорошо?

— Конечно, Фати! Прости меня!

Снова обнялись уже у вагона, проводница поторапливала.

Второй семестр всегда пролетает быстрее, чем первый.

«Студенческие весны» — Полина и Максим в них не участвовали, но болели за оба своих факультета. Набитый битком актовый зал, хохот, знаменитый большой физический хор, изумительно, просто до мурашек исполняющий военные песни. Такие разные и такие яркие номера студенческой самодеятельности, а после — прогулки по уже теплomu, пахнущему акацией городу.

Летнюю сессию в этот раз оба сдали на «отлично», и было лето с речкой, студенческими походами, костром, ночевкой в палатках и такой пьянящей абсолютной свободой.

В августе Полина вдруг почувствовала себя плохо, было очень душно. Максим снова уехал на спортивные сборы. Она продолжала работать с тетрадями деда, параллельно готовя научную статью с Перовым. Стала гулять вечерами, но дурнота не отступала.

В сентябре узнала, что ждет ребенка. Тот сентябрь запомнился на всю жизнь. Иногда казалось, что она не участница всех событий, а будто смотрит на все со стороны. Было много разговоров, и некоторые фразы отпечатались в памяти навсегда. «Оставляем?» — спросила врач в консульства. Полина даже не сразу поняла, о чем ее спрашивают. Потом шла несколько остановок пешком, на улице очень тепло, прохожие еще в летней одежде. Только сухие желтые листья шуршали по асфальту. Можно не торопиться. Пары в тот день начинались после обеда.

Она шла и, наверное, впервые в жизни не думала ни о чем. Чувства и мысли замерли, будто в небытии при переходе из одного мира в другой. И словно яркие вспышки молний, разрезающие тревожное небо перед проливным дождем, остались в памяти напряженные разговоры с мамой, отцом и родителями Максима.

Полина почти не помнила, как сообщила ему о ребенке, лишь выражение его глаз, вдруг таких взрослых и очень серьезных. Когда рассказывали родителям, держал ее за руку, и ей казалось в тот момент, что он старше нее, и мудрее, и смелее, и можно только плыть по течению их общей реки, а он будет направлять. Столько событий вдруг уместилось в один единственный месяц. Подали заявление в загс. Переехали жить к Полине. Максим перевелся на вечернее отделение, устроился работать программистом в маленькую частную фирму. И был такой неловкий общий быт, и жуткое стеснение перед родителями Максима уже в новом качестве. Мама приходила поздно, а Максим вечерами учился.

Будущая свекровь Нина Алексеевна часто звонила и спрашивала о самочувствии, и Полина иногда просто не брала трубку, потом терзаясь угрызениями совести. В конце октября планировалась регистрация, обычная, не торжественная. Отмечали дома у родителей Максима. Полина пригласила своих девчонок из класса, самых близких, Максим — одноклассников. Полина все в том же выпускном платье. Было неожиданно весело, много танцевали, смеялись, а вечером родители пели под гитару,

как когда-то давно в зимнем лесу. И пришло такое удивительно легкое чувство — все хорошо... и было, и будет всегда. Поздно вечером пошли провожать гостей и возвращались уже вдвоем. Молчали и прислушивались к себе и такой близкой уже новой жизни.

Разговор с Перовым Полина все оттягивала, пока он не догадался сам. Фамилию Полина оставила свою. У нее были уже публикации, и мама сказала, что если она пойдет по стопам деда, то так будет удобнее. Она не придала значения, но согласилась. Максим не обиделся, да и для учебы так было удобнее. Живот стал виден уже на третьем месяце, как почти у всех худеньких. Специальной одежды для беременных тогда не было. Мама шила ей специальные вставки в джинсах, Нина Алексеевна вязала объемные свитера.

— Ну что, будущая мамочка, как работать теперь будем?

Полина залилась краской, Перов оставил ее после пар.

— Как работали, так и будем работать, Алексей Иванович! А что может измениться?

— Девочка, ты еще сама ребенок! Изменится теперь все в твоей жизни! Да и не твоя она теперь будет... Ладно, поживем — увидим! Придется академ тебе брать хотя бы на год.

— Алексей Иванович, честное слово, я не брошу! — Полина неожиданно для самой себя разревелась.

— Ну-ну... Сидеть-то будет кому с малышом?

— Не знаю...

Леночка родилась двадцать первого апреля. За две недели до этого Полину положили на сохранение. Палата на шестерых, все гораздо старше нее. Разговоры про мужей, свекровей, семейный бюджет. Другая, такая непонятная и чуждая ей сторона жизни. Максим привез тетради деда и даже съездил к Перову, передал ему то, что Полина подготовила для очередной статьи, а он через него передал свои правки. Вот такой способ передачи информации без интернета, смартфонов и ноутбуков. Медленный и наполненный человеческим теплом.

Первые два часа своего рождения малышка лежала в маленькой кроватке рядом с Полиной. Они были уже одни в родовом зале. Врач что-то писал в соседней комнате и буднично переговаривался с акушеркой. Полину потрясла тогда эта будничность их тона.

Она рассматривала малышку, та спала и была удивительно красивой — именно такой чистой, еще неземной красотой, которой обладают все малыши на свете для своих мам. Полина видела в ней черты Максима. У нее оказалась даже маленькая ямочка на подбородке, как у него. Полинину кушетка была развернута прямо к окнам: четвертый этаж, покачивающиеся от ветра макушки елей, захлестывающее счастье.

Это уже потом Полина вспомнила слова Перова. Ее жизнь на какое-то очень неопределенное время перестала быть ее жизнью, а бесконечная Вселенная стала кружиться вокруг новой рожденной звезды. Полина почему-то долго не могла назвать малышку по имени, хотя вся семья уже звала ее Ленусей, только мама — Аленкой.

Дома началась суета. Все привыкали к новому режиму. Нина Алексеевна приходила вечерами после работы через день и вдруг с рождением

внучки перестала деликатничать: давала бесчисленное множество указаний — как правильно пеленать, кормить, купать. Полина накалялась и молчала. Ленусяка спала очень плохо. Могла просыпаться каждые полчаса. Договорились с Максимом дежурить по очереди через день. Иногда Полине было жалко будить его, и она вставала к ней несколько дней подряд, кормила и качала. Молока было много, но Ленусяка все равно плакала, и Полина плакала вместе с ней. Ей было жалко малышку, себя. Днем постоянно хотелось спать, все валилось из рук.

Редкая, долгая пара часов дневного сна малышки и попытки сесть за статьи со свинцовой головой...

Когда Леночке исполнилось три месяца, Полина впервые выехала из дома. Отправилась к Перову в университет. Нужно было обсудить очередную статью. По дороге из университета домой вдруг сломался троллейбус. Один ус безжизненно повис, и водитель высадил всех пассажиров, сказал, что ремонт надолго.

Полина бегом кинулась к остановке. Время рассчитано впритык между двумя кормлениями, три часа на всю поездку, прикармливать Леночку только начинали. В этот день с ней сидел Максим. Специально отпросился с работы на длинный перерыв. Автобусов, как назло, долго не было. Полина каждую минуту смотрела на часы и ничего не могла сделать, чтобы замедлить их бег.

Сев, наконец, в автобус, просто считала про себя, чтобы хоть немного успокоиться. Прошло почти четыре часа ее отсутствия. Она думала только о том, вспомнит ли Максим, что в кухонном шкафчике на всякий случай стояла детская смесь, предусмотрительно купленная мамой при рождении внучки.

Максим вспомнил про эту смесь, но Леночку почему-то стало от нее рвать, и даже начались судороги. Пришлось ехать в больницу. Было впервые в жизни очень страшно. Полина на всю жизнь запомнила тот день, запах больницы и освещение, лицо молодого врача, который осматривал Леночку, и даже щебет птиц за окном. К вечеру их отпустили, и впервые в жизни они поругались с Максимом. Родителям, правда, ничего рассказывать не стали.

— Господи, Полина, как ты могла?

— Максим, я же объясняла, что сломался троллейбус! Надо было сме- си меньше ей давать, ты же помнишь, что врач сказал, слишком резкий переход от молока к смеси.

— Надо было из дома не уезжать! Ребенку три месяца всего! Потер- пят твои статьи! Что для тебя важнее?!

«Что для тебя важнее?» — эта фраза сменила ту, другую: «Ты любишь меня, Полина?» Получалось, что ей все время надо выбирать, и от невозможности этого выбора росло чувство вины сразу перед всеми — перед Максимом, Леночкой, Перовым и даже собой.

Ей снова снился ангел, и она впервые вдруг смогла полностью разгля- деть узоры снежинки. Полина всматривалась в бесконечность узоров, таких завораживающе правильных. Ей нужно, просто жизненно необхо- димо было их запомнить, но времени всегда не хватало, она просыпалась от детского плача.

К году Леночкиной жизни все как-то улеглось. Максим заканчивал третий курс. Полина планировала сдать экзамены за пропущенный год и тоже перейти сразу на четвертый. В сентябре решили отдать Леночку в

ясельки в мамин садик. И хотя мама предрекала бесконечные детские болезни и тяжелую адаптацию, Леночка неожиданно мало болела и без слез собиралась по утрам.

В те годы началась система бакалавриата, и Максим окончил университет после четвертого курса. Полина с подачи Перова экстерном завершила пятый и поступила в аспирантуру. Перов устроил ее на полставки на кафедру ассистентом.

Началась совсем взрослая жизнь с мизерной, но самой настоящей зарплатой. Приняли с Максимом решение снять квартиру недалеко от маминго дома. Нашли ЗГТ, потом это стало называться студией: восемнадцать квадратных метров на троих. Когда собирали вещи, мама несколько раз принималась плакать, и Полина увидела, как она вдруг постарела и стала похожа на свою маму, Полинину бабушку.

— Мам, ну ты чего? Мы же рядом, почти в соседнем доме! Ленуську на выходные будем приводить!

— Конечно, Поль! Я просто не привыкла еще без топота детских ножек жить...

На первое время купили в спортивном магазине надувную кровать и спали на ней втроем. Ленуська в новом доме почему-то отказывалась спать в своей кроватке. Тогда копили на все — на мебель, посуду и даже зимнюю обувь.

Потекли очень ровные, спокойные месяцы и годы.

Максим быстро стал начальником отдела. Он много работал, домой приходил поздно. Полина писала кандидатскую диссертацию и почти закончила разбирать тетради деда. Ленуська подрастала, обожаемая бабушками и дедушками, на выходные на нее была очередь.

После блестящей защиты Полину пригласили на работу в научно-исследовательский институт, обещая большие перспективы, карьерный рост и хорошую зарплату. Перов уговорил остаться в университете на четверть ставки и совмещать, но через полгода Полина поняла, что разрывается, не успевает хорошо готовиться к занятиям, и попрощалась с университетом.

У Алексея Ивановича вскоре заболела мама, и он перебрался ухаживать за ней в маленький провинциальный городок, бросив работу на кафедре.

Договорились обязательно созваниваться.

Через пару лет в институте стали появляться крупные государственные заказы. Один из них был от военных метеорологов. Полина как раз работала в отделе, занимающимся этим заказом. Она предложила свои идеи и совершенно новые подходы к составлению прогноза для военных летчиков. Вот такое совпадение — все то, чем она занималась по тетрадям деда, удивительным образом выстрелило в конкретной задаче.

Ее практически сразу сделали руководителем этого проекта. Начали писать программный комплекс, и появились первые, очень обнадеживающие результаты. Прогноз был невероятно точным. Стали оформлять патент с Полининым авторством. Все было как-то впопыхах, ошеломляюще быстро. И только после того, как патент передали заказчикам, она поняла, что там не указана фамилия деда. А, наверное, она обязательно должна была там стоять. Возник даже порыв сходить в отдел, занимающийся патентованием, но потом закружилась.

И сквозь бешеный темп работы прорывалось иногда тягостное чувство: что-то было сделано неправильно, словно прозвучала одна фальшивая нота, и впечатление от сыгранного уже другое.

Полина начала работать над докторской. Позвонила Перову и попросила снова стать ее научным руководителем хотя бы формально, на первых порах. Обещала его навестить и показать промежуточные результаты. Работы было так много, что Ленуську забирали из садика по очереди бабушки и дедушки. Максим тоже приходил поздно.

Они как-то перестали совпадать по времени. Максим быстро засыпал, у него под боком в обнимку с плюшевым медведем — Леночка, а Полина любила эту ночную тишину. В ней особенно ярко звучал ее собственный голос. Она уже играла самостоятельно, играла уверенно без наставника и учителя, чувствуя всю силу своего голоса — голоса в науке. Десятки исписанных листов, ложилась далеко за полночь.

Как-то во время ее такой работы проснулся Максим, подошел сзади и поцеловал в макушку:

— Поль, давай заведем еще малыша?

— Максим, знаешь, нам, может быть, предложат переехать в Москву, я тебе как раз собиралась сказать...

— Господи, зачем?

— Понимаешь, возможно внедрение моих разработок по всей стране, сейчас это обсуждается. Скоро приедут представители головного офиса из Москвы.

— Полина, знаешь, я так устал... я не хочу ничего слышать про твою докторскую, разработки и тем более Москву. Я не поеду, Полина!

Через пару недель Полина вместе со своей командой сдавала проект, крупный госзаказ. В основе — все ее наработки, ее и деда. Блестящие результаты прогнозирования, графики, таблицы, все очень убедительно, ново.

Было много вопросов, обсуждали нюансы почти до вечера. Москвичи действительно предложили новые патенты на разработки с ее авторством, содействие в работе над докторской, но уже в Москве, внедрение в сразу нескольких регионах. После был фуршет. Полина позвонила домой и сказала, что задержится. Успех и шампанское на голодный желудок действительно пьянили. Подходили поздравлять коллеги, москвичи. Что-то спрашивали, уточняли, москвичи стали обсуждать вопросы скорого переезда. Она только кивала и отвечала односложно. Не хотелось решать и думать, заглядывать в будущее и что-то планировать. Она остановилась, надо отдышаться и посмотреть назад.

Вдруг захотелось позвонить Игорю, они созванивались иногда. Ушла по-английски. Вернулась в свой кабинет за вещами и набрала Игоря. Ответил незнакомый голос:

— Слушаю вас.

— Простите, это Полина. Я, наверное, ошиблась!

— Вы Игорю звоните? Это сосед, я вызвал скорую, ему плохо стало. Забрали в областную — вроде, сердце...

На следующий день Игоря не стало: инфаркт. После похорон Полина взяла отпуск две недели и поехала к Перову. Максим сказал, что понимает, но был холоден с ней. Вопросы Москвы они пока не касались.

Дорога на автобусе с одной пересадкой — почти пять часов, маленький городок в Курской области с таким красивым названием Обоянь.

Конiec августа, за окном золотились поля, жара, автобусы тогда были без кондиционеров. Ее сильно укачивало, и почти всю дорогу Полина спала. Автобус делал маленькие остановки: Тим, Горшечное... Пассажиры выходили, чтобы размяться. Пересадка в Курске, и еще пара часов дороги. Автобус уже другой, маленький пазик. Часто останавливался, с грохотом распахивая двери среди полей, где на трассе его ждали пассажиры с бидонами молока, ведрами яблок и местных абрикосов. И по мере приближения к Обояни автобус все больше наполнялся сладковатыми запахами конца лета.

Наконец, заключительный грохот дверей. Полина сразу увидела Перова. Он встречал ее, подал руку. Обнял очень тепло, по-отцовски.

— Алексей Иванович, как я рада! Вы прекрасно выглядите!

— Полина, господи, я тоже очень рад! Выгляжу неплохо для своих ста лет. Ладно, шучу... Пойдем пешком, тут минут двадцать. По дороге немного расскажешь.

Сначала шли по центру, машин почти нет, двухэтажные дома, старая церковь и запах яблок. Потом свернули и пошли вдоль оврага. Было жарко, но совсем не так, как в городе. Жар не от домов и машин, а от пыльной дороги и нагретой солнцем антоновки. Перов всю дорогу нес ее сумку, и так непривычно было видеть его в этой, совсем другой обстановке. Расспрашивал про работу, университет, докторскую.

После оврага начался частный сектор, старые дома, у некоторых подвалы с арочной кладкой. Алексей Иванович как раз жил с мамой в одном из таких на четверых хозяев. У забора цвели белые георгины.

В доме было прохладно, и стоял тот удивительный запах частного дома, почти как на даче у отца. Три комнаты и летняя кухня, стол накрыт. В зале — портрет Ленина на стене, надо же... Мамы Перова не было. Накануне Полининого приезда ее планово положили в больницу.

Обедали в летней кухне. На столе в вазе — все те же белые георгины, россыпь лепестков вокруг. Жареная мелкая рыбешка, вареная картошка с зеленью и холодный квас. Окна настежь, потянуло сливовым вареньем, зашла соседка, поделилась излишками варки. Разговаривали долго. Перов показывал свои новые статьи, не прекращал работать и тут. Полина делилась, с ним было очень легко. Она рассказывала долго и иногда очень путано, но он понимал и слушал.

— Знаешь, Полина, ты приехала за советом... Переезжать ли тебе в Москву или нет? Так ведь?

— Я не знаю, Алексей Иванович! Наверное, так!

— А совет-то я тебе и не дам. Не может быть тут неправильных решений, тут только себя слушай, а банальности мне не хочется говорить. Будущие патенты обязательно оформи, и на деда тоже. А сейчас собирайся-ка ты, моя хорошая, поедешь со мной на рыбалку! Я каждый вечер езжу.

На пруду было очень тихо. Солнце начинало садиться. На берегу, кроме них с Перовым, — никого. Он удил, а она сидела недалеко: слушала себя и смотрела, как вода отражает и заходящее солнце, и восходящую звезду, о которой Игорь говорил, что это Венера, и Перова с удочкой, и все-все — кажется, даже саму воду, все потоки земной жизни.

Было так тихо, что она слышала себя.

На следующий день Полина уехала домой.

— Максим, ты ведь простил меня?

— Не знаю, Полина... Я очень устал. У вас тут так тихо, как тогда в зимнем лесу, помнишь?

— Конечно, помню. Вот появилась первая звезда, Игорь в детстве говорил, что это Венера. Как он там? Знаешь, мама винит себя... Ты любишь меня, Максим? Почему же ты молчишь?

— Я просто плохо слышу тебя. А ты меня. Понимаешь? А свой голос ты хорошо сейчас слышишь?

— Да, хорошо. Мне очень важно слышать свой голос. И пусть он звучит слабо среди многих других голосов, но я слышу его. Я могу говорить, понимаешь?! Я очень долго училась этому... Вот отражение деревьев в воде, как красиво! А звезды будут отражаться, как думаешь?

— Наверное, не знаю... Зеркало для Вселенной, ты об этом говорила когда-то?

— Да. И бесконечность воды, и все мы, потоки наших жизней, мыслей, музыка, поэзия, математика — все это звучание Вселенной, ее отражение.

— Полина, как бы я хотел понять тебя. Ты возвращайся быстрее, хорошо? Мы с Леночкой очень скучаем по тебе...

На следующий день Полина поменяла билеты и поехала домой.

ЭПИЛОГ

Через месяц Полина, Максим и Леночка переехали в Москву. Началось внедрение Полининых разработок в соседних с Москвой регионах. Еще через год Полина защитила докторскую диссертацию. Одним из оппонентов была Фатима.

Ровно за месяц до защиты Максим и Полина развелись, и он вернулся в родной город...

